

И.А. ЗАВАДСКАЯ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНЕСА

Наиболее яркими и характерными для ранневизантийского периода памятниками христианской архитектуры Херсонеса являются трехнефные базилики, превратившиеся на протяжении длительного функционирования в центры целых храмовых комплексов. В настоящее время на территории городища известны остатки одиннадцати таких базилик. Это, прежде всего, Уваровская базилика, которую считают центральным храмом города до конца его истории, Восточная, Северная, Западная базилики, базилики 1932 и 1935 гг., Базилика на холме, Базилика в базилике, Базилика Крузе, базилики № 17 и № 28 (табл. I, II, III). Согласно архитектурно-археологическим данным, все они сооружены в рамках одного хронологического периода, а именно во второй половине VI - начале VII в. [26, с. 79-84]. Данную группу памятников условно можно отнести ко второму этапу христианского строительства в Херсонесе, который явился результатом наивысшего подъема христианизации херсонеситов, подготовленного всем предшествующим, практически двухсотлетним периодом распространения здесь христианства [27, с. 190].

Типологическое сходство херсонесских базилик между собой не только подтверждает их хронологическую близость, но также свидетельствует об их общем происхождении. Сопоставление местных памятников с аналогичными сооружениями из других регионов позволит приблизиться к решению проблемы происхождения херсонесской архитектуры, определить возможный круг культурных связей и влияний. В связи с этим, поиск архитектурных параллелей представляется одним из важнейших направлений в изучении раннехристианских памятников Херсонеса.

Одним из первых сравнил херсонесские базилики с византийскими А.Л.Бертье-Делагард. По его наблюдениям, они "почти тождественны, в сущности, с равенскими" [10, с. 39]. Более детально к проблеме происхождения херсонесских храмов подошел А.Л.Якобсон [70, с. 183-188]. Направление его поиска определялось, прежде всего, известными экономическими связями Херсонеса. Основное внимание он сосредоточил на малоазийских прибрежных областях. Исследователь неоднократно указывает на сходство херсонесских храмов также с памятниками из других частей империи, например, Италии, Греции, но считает данные аналогии формальными, поскольку "не с Равенной и не с побережьем Адриатического моря общался Херсонес в V-VII вв., а со странами Причерноморья, как западного, так и южного" [70, с. 184]. Тем не менее, западное Причерноморье он практически оставил без внимания, упомянув только, что для столичной византийской архитектуры эллинистическая базилика не характерна [70, с.184]. Иное мнение А.Л.Якобсон высказал в одной из своих поздних работ "Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса" [75]. Рассматривая базилики как один из закономерных этапов средневекового зодчества, характерный в той или иной форме для всех восточно-средиземноморских стран, он все же склонен признать, что по своей форме херсонесские базилики наиболее близки к константинопольской

архитектурной школе и имеют существенные отличия от базилик других регионов, в частности, Малой Азии, Сирии [75, с. 163]. К столичной архитектурной школе А.Л.Якобсон относит также крещальню [75, с. 166], композицию которой в "Раннесредневековом Херсонесе" считал более близкой малоазийским и сирийским памятникам [70, с. 211]. Однако, несмотря на проведенные параллели (к сожалению, не поддержанные конкретными примерами), исследователь остается на прежней позиции, полагая, что зодчество Херсонеса на протяжении всей его истории более всего тяготело именно к Малой Азии, а не к столице. Несмотря на это он все же отмечает их обоюдную причастность к закономерным процессам архитектурного развития, общим для всего византийского мира [75, с. 168].

Идею малоазийского происхождения херсонесских базилик подверг сомнению Ю.Г.Лосицкий [40, с. 33; 41, с. 86-87, 95]. Он критически пересмотрел некоторые положения А.Л.Якобсона и пришел к выводу о том, что наши памятники являются "бледными, провинциальными... отображениями образцов столичной архитектуры" [41, с. 95]. При этом под столичной архитектурой он понимает "не только архитектуру Константинополя, но и других значительных центров византийской культуры" [41, с. 87]. Однако, вывод Ю.Г.Лосицкого, представляющийся вполне резонным, не получил в его работах достаточного обоснования. Приводя только самые общие аналогии, исследователь полагает, что по своему плану базилики Херсонеса типичны практически для всех регионов империи [41, с. 87, 95], что никак не может свидетельствовать в пользу столичного их происхождения. Большинство же их признаков, которые он затрагивает, вообще не считает возможным рассматривать как результат иноземного влияния (например, форма апсиды, техника кладки, декоративное убранство) [41, с. 87-90]. Подтверждение мнения Ю.Г.Лосицкого о происхождении херсонесских базилик можно видеть лишь в отмеченной им общей тенденции заимствования провинцией столичных образцов [41, с. 95].

Как справедливо отмечал А.Л.Якобсон, в эпоху раннего средневековья базиликальная конструкция храмов была принята на всей территории Византийской империи, а также в регионах, находившихся под ее влиянием [75, с. 163]. Однако в силу сложившихся культурных традиций в разных областях она принимала различные формы. По способу перекрытия, от которого зависят многие другие характеристики, выделяют два основных типа базилики – восточный и эллинистический. В базиликах восточного типа нефы завершались сводами, неотъемлемой чертой эллинистических базилик была стропильная крыша [103, р. 16-92]. Сводчатые базилики получили распространение во внутренних районах Малой Азии, Центральной Сирии, Закавказье, исключая Восточное Причерноморье [115, р. 9-23, 56-70; 111, р. 41-151; 103, р. 16; 72, с. 197-200; 69, с. 162]. Эллинистическая базилика стала составной частью архитектурного облика обширного региона с сильными эллинистическими традициями. Он включал в себя Эгейское и Средиземноморское побережье Малой Азии, Кипр, прибрежные районы Сирии, Палестины, Северной Африки [112, р. 27, 318; 115, р. 44-52; 108, р. 490-491; 91, р. 2746-2754]. Базилики этого типа преобладали над другими культовыми сооружениями в Греции в V-VI вв. и были распространены там повсеместно [50, с. 24]. В IV-VI вв. эллинистическая базилика доминировала на территории современной Болгарии [67, с. 15] и Добруджи [78, р. 334]. Базилики рассматриваемого типа известны и на территории Абхазии [63, с. 185]. Духовным центром этого огромного региона, по всеобщему мнению, являлся Константинополь. Наличие эллинистического типа базилики в ряде мест рассматривается как результат влияния именно Константинопольской архитектурной школы [103, р. 36; 108, р. 497; 62, с. 92]. Безраздельное господство эллинистической базилики в Херсонесе также позволяет говорить о его вхождении в сферу влияния отмеченной области с центром в Константинополе.

На протяжении достаточно длительного периода преобладания в данном регионе эллинистическая базилика претерпела значительные изменения. К их числу относится проявившаяся в V и особенно в VI в. тенденция к укорочению пропорций здания, прослеженная, в частности, на памятниках Болгарии [67, с. 16-19; 117, р. 2496-2498]. Укороченные пропорции характерны в большей или меньшей степени практически для всех базилик Херсонеса. Согласно размерам и сводной таблице планов, содержащимся в статье Ю.Г.Лосицкого [41, рис. 1,7], херсонесские базилики по пропорциям условно можно разделить на три группы (табл. I, 1). Принимая во внимание соотношение ширины наоса к его длине (без нартекса), наиболее вытянутыми являются базилики Уваровская, Западная (табл. I, 1, а, б) и, вероятно, Базилика на холме (соотношение примерно 1:1,5). Более укорочены базилики Восточная и 1935 г. (примерно 1:1,2-1,25) (табл. I, 1, в, г).¹ Самые короткие пропорции (примерно 1:1) имели базилики Северная, 1932 г., № 28 и Базилика в базилике (№ 15) (табл. I, 1, д, е, ж, з). Данные показатели свидетельствуют об отражении общей тенденции к укорочению базилик и в Херсонесе. Однако, пропорциональные особенности выделенных нами групп памятников не дают оснований для установления последовательности (относительной хронологии) в их сооружении, т.е. по данному признаку их нельзя разделить хронологически, что подтверждается как археологическими материалами, так и аналогиями. Базилики, длина наоса которых практически совпадает с шириной, встречаются в V-VI в. наравне с более удлиненными в плане сооружениями. Примерами могут служить базилика Студийского монастыря в Константинополе (463 г.) (1x1,15) (табл. IV, 1) [14, с. 36, рис. 15], базилика св.Софии ("Старая митрополия") в Несебре (Болгария) второй половины V в. (1x1) (табл. IV, 1) [83, fig. 1], базилики в Сандански (Болгария) V (?) в. (1x0,95) [117, fig. 2a], у подножия акрополя Царичин Града VI в. (1x1) [32, рис. 65], Шуменская базилика 1 (Болгария) V - начало VI в. (1x1,08) [4, рис. 2], Костенецкая базилика (Болгария) VI в. (1x1,1) [30, рис. 183], а также греческие базилики в Кепии (разрушена во второй половине VI в.) (1x0,9) [122, рис. 1] и в Колхиде (третий строительный период в комплексе) эпохи Юстиниана (1x1) [120, рис. 1]. Базилики с укороченными пропорциями известны также в Истрии (Румыния) [79, р. 135, 140] и в Абхазии [62, с. 17]. К концу V - началу VI в. относятся базилики с пропорциями близкими ко второй группе херсонесских базилик в Болгарии – № 2 в Крумово Кале (1x1,3) [48, рис. 1], базилика D в Ятруссе (1x1,37) [29, рис. 3], Хисарские базилики 7 и 8 (1x1,3) [66, с. 16, 18], в Греции базилика в Дионе (1x1,3) (табл. V, 4) [121, рис. 1]. К первой группе близка базилика в Бизоне-Карвуна (Болгария) VI в. (1x1,68) [44, рис. 6]. Таким образом, отличия в пропорциях херсонесских базилик не могут свидетельствовать в пользу их разновременности. Размеры храма определялись, скорее всего, его местом и значением. Общая же тенденция к сокращению протяженности объясняется, по-видимому, стремлением к максимальному объединению внутреннего пространства в рамках базиличной формы, связанного с перемещением литургического процесса ближе к центру среднего нефа. В связи с этим представляется резонным предположение А.Л.Бертье-Делагарда о том, что укороченность базилик являлась отдаленным подражанием коротким купольным постройкам [10, с. 38], максимально приспособленным к потребностям культа.

Не исключено, что в созвучии с данным процессом находится устройство сильно выдвинутой в средний неф солеи, что одновременно увеличивало площадь алтаря. Солея в виде невысокого помоста в 1-2 ступени зафиксирована в базиликах Уваровской Западной (выступает в неф более чем на 4 м [33, с. 59]), 1935 г. (на 3,5 м [15, ген. план]),

¹ Точные размеры базилики № 17 не известны. Ее единственным изображением является план-схема, которую А.Л.Бертье-Делагард снял с натуры [11, с. 73; 10, табл. III, рис. 17]. Д.В.Айналов сравнивает ее по размерам с Западной и Восточной базиликами [1, с. 97].

1932 г., № 28 и в Базилике в базилике.

Сильно выступающая солея характерна для базилик эллинистического типа. Солеи до 4 м и более имели базилики, расположенные на территории Болгарии у с. Кран конец IV - начало V в. (3,5 м) [57, с. 44], с. Галата начала V в. (4,3 м) [43, с. 5], базилика у крепостной стены в Хисарах V в. (4,2 м) (табл. IV,3) [59, с. 129], № 2 в крепости Крумово Кале конца V - начала VI в. (4,1 м) [48, с. 29], примерно на 6 м выступала солея базилики V в. при Коматеве [16, с. 158]. Выступающие солеи характерны для базилик Греции (табл. V, 1-4). Они встречаются также в базиликах, расположенных в западной части Малой Азии и на Кипре (табл. V,5), где было ощутимо влияние столицы [114, р. 409-410, 414, 422-423; 108, р. 493].

К солее Уваровской базилики примыкал узкий проход или коридор, огороженный 6 столбами и мраморными плитами между ними. Аналогичное устройство зафиксировано в базилике в Сандански на территории Болгарии [117, fig. 2], его также имели многие греческие базилики, например, в Дионе, середина V в. (табл. V,4) [121, fig. 1], базилика Ахиропойтос в Салониках (470 г.) (табл. V,3) [50, с. 28]. В ряде базилик наблюдается сочетание огороженного прохода солеи и амвона, который находился в центре среднего нефа (табл. V,2) [32, fig. 13], либо у правой колоннады (табл. V,1) [74, с. 40, рис. 16,а]. В базилике с трансептом св. Леонида в Лехеоне в Коринфе V-VI вв. коридор соединялся с амвоном [50, с. 31, рис. Ж]. Выступающая солея, с примыкающим к ней узким коридором, характерна и для североафриканских базилик в Аполлонии и Кирене (табл. VI,5,6) [91, fig. 2,3]. Как отмечает Н. Дюваль, данный план типичен для храмов Греции и Константинополя [91, р. 2772]. Огороженный коридор, вытянутый по центру среднего нефа, известен также в базиликах Кипра, таких как Айя Триас (табл. V,5), Ажион Гераклеидиос, в кафедрале в Курионе [102, р. 70; 108, р. 493]. По предположению А. Мегао, он мог служить амвоном [102, р. 67]. А. Папагеоргиу также называет огороженный проход кипрских базилик амвоном и считает его связь с выступающей солеей доказательством прямого влияния Константинополя [108, р. 493]. Таким образом, вполне возможно, что и в Уваровской базилике, огороженное пространство, примыкающее к солее, также являлось амвоном. Отметим, что именно так называет его и первый исследователь базилики А. С. Уваров [58, с. 534]. Однако, нельзя все же исключать и то, что здесь мог находиться и самостоятельный амвон, как, например, в греческих базиликах. Остатки такого амвона в виде узкой прямоугольной платформы, расположенной практически в центре среднего нефа, зафиксированы и в херсонесской базилике № 28 (табл. III, 4). Аналогичное расположение имели например, амвоны милетских базилик – Большой и св. Михаила, солеи которых также были вытянуты [114, fig. 9-10].

Таким образом, оформление предалтарного пространства херсонесских базилик, имевшего большое значение в литургическом действе, полностью отвечало образцам константинопольской и греческой архитектурных школ. Для сравнения можно отметить то, что выступающая солея не типична для базилик Сирии, центральных областей Малой Азии, Закавказья (табл. VI; VII) [100, р. 207-209; 62, с. 44]. В сирийских базиликах очень обширный амвон с закругленной западной стороной занимал значительную часть среднего нефа (табл. VI,2,4) [100, р. 188, 207-209; 93, р. 631-635; 74, рис. 46а, 48а, 51а]. В Цандрипшской базилике (Абхазия), в которой солея также не развита (табл. VII,6), обнаружены фрагменты амвона константинопольского типа (платформа на колонках с закругляющейся балюстрадой) [62, с. 44-45]. Приведенный факт свидетельствует о влиянии на Восточное Причерноморье как со стороны столицы, так и христианского Востока.

Важную информацию о типологии базилик и архитектурных связях Херсонеса дает план восточной части этих зданий. Изначально все они имели одну выступающую апсиду

полукруглую изнутри и полукруглую или пятигранную снаружи. Базилики с выступающей полукруглой или полигональной апсидой встречаются практически во всех регионах. В ряде мест они составляют большинство или значительную группу, например, на территории Болгарии, Добруджи (Румыния), Греции, Абхазии [67, с. 16-19; 79, р. 123-177; 50, с. 28-31; 63, табл. I]. Выступающую апсиду имели также сводчатые базилики в Бинбиркилисе и некоторые в Армении [115, р. 10-17; 74, с. 118]. В Сирии храмы с подобной апсидой единичны, в большинстве же базилик апсида не выступала наружу и была скрыта сплошной стеной между двумя боковыми помещениями, примыкающими к ней (табл. VI) [100, р. 60-66; 73, с. 199]. Аналогичное устройство восточной части, имели многие базилики Северной Африки (табл. VI, 5,6), Малой Азии, Месопотамии, Палестины, Закавказья [88, р. 489-502; 2, с. 104]. Оно встречается также в Греции, на островах Эгейского моря [88, р. 499-500], в двух кипрских базиликах (Ажиа Мони и Ахейропоитос) в результате их перестройки. Распространение рассматриваемого типа апсиды считается результатом сирийского влияния [108, р. 493].

Для раннесредневековых храмов Херсонеса прямоугольные очертания алтарной части абсолютно не характерны. В связи с этим, вызывает недоумение попытка А.Л.Якобсона подтвердить малоазийское (?) происхождения херсонесской архитектуры, ссылаясь на присутствие подобных алтарей в Херсонесе [70, с. 185-186]. В качестве аналогий он называет боковые галереи Западной, Северной и Уваровской базилик, в которых были устроены часовни. Однако все эти часовни относятся к достаточно позднему времени. В Западной и Уваровской базиликах они были встроены в уже существовавшие контуры галерей, скорее всего, не ранее X в. Южная часовня Северной базилики, действительно имевшая прямоугольные наружные очертания (табл. II, 3), сооружена не ранее конца X или начала XI в. Материал этого времени (обломки керамики и монеты Василия II (976-1025)) содержался в слое, в который были впущены фундаменты южной часовни [53, л. 6, 8, 18]. Таким образом, проведенные А.Л.Якобсоном сопоставления не подтверждают сделанный им вывод.

В базиликах Херсонеса на начальном этапе не нашла воплощения и такая сирийская черта как трехапсидность, получившая широкое распространение с V в. в Палестине, прибрежных районах Малой Азии [88, р. 503-504], на Кипре (в Карпазии, Соли, в Айя Триас (табл. V, 5) и др.) [102, р. 64-72]. Базилики с тремя апсидами встречаются также в Греции (базилика Г в Никополесе) [88, р. 505]. На Балканах, в частности, на территории Болгарии, трехапсидность появляется в VI в., однако, главным образом, в сводчатых базиликах (в Белово (табл. X, 4), Пирдопе) [117, р. 2498-2501]. В Румынии известна единственная постройка с тремя апсидами – базилика в Ибиде второй половины VI в. [79, р. 178-179]. Трехапсидные базилики известны также в Царичин Граде (Епископская, 30-е гг. VI в.), в Равенне (Св.Аполлинария in Classe, того же времени) [32, с. 25, 30], в Абхазии (Цандрипш (табл. VII, 6), Алахадзы, первая половина VI в.) [63, с. 187]. В Константинополе трехапсидные церкви строили лишь в VIII в. [63, с. 187]. По функциональному назначению, северную апсиду обычно называют протезисом (жертвенником), южную – диаконником. Однако, по мнению ряда исследователей, их функции могли быть иными. Например, их могли использовать в качестве баптистерия и мартирия как в Цандрипшской базилике [62, с. 22-23]. В Херсонесе боковые апсиды появляются позднее лишь у некоторых базилик: одновременные северная и южная апсиды у Базилики 1932 г. (табл. II, 4) [6, с. 224], у Северной базилики сохранилось лишь южное плечо с поздней апсидой, к южному нефу Уваровской пристраивают небольшую часовню с апсидой (табл. II, 3). О целях данных дополнений судить трудно. Не исключено, что они являлись некоторым подражанием трехчастным алтарям и появились в период близкий константинопольским трехапсидным храмам VIII в.

Одним из отличий херсонесских базилик между собой является внешний контур их апсид. У большинства из них (6) была пятигранная апсида; в Уваровской (табл. II, 1), Базилике 1935 г. (табл. II, 2), Базилике в базилике (табл. III, 3), № 17 (согласно плану А.Л.Бертье-Делагарда) – полукруглая. Пятигранную апсиду имел также ранний храм (синагога) конца IV в. комплекса "Базилика 1935 г.". Смена форм апсид в сооружениях данного комплекса (табл. II, 2) дала повод А.Л.Якобсону высказать мнение о том, что херсонесские базилики с пятигранной апсидой более древние, чем те, которые имели полукруглые очертания алтарной части [75, с. 163]. Эту гипотезу поддержал и Ю.Г.Лосицкий [41, с. 90]. Однако, как достоверно известно, полигональные апсиды имеют более позднее происхождение, чем полукруглые [88, р. 302; 31, с. 138-139]. Например, на территории Болгарии они появляются лишь с V в. [117, р. 2496]. По-видимому, это объясняется более сложной конструкцией гранных апсид, на что указывал А.Л.Бертье-Делагард, говоря о потребности в квалифицированных зодчих для их сооружения [10, с. 40]. Таким образом, преобладание пятигранных апсид в Херсонесе может свидетельствовать о сравнительно высоком уровне строительного дела в городе. Согласно же археологическим данным, херсонесские базилики с обоими видами апсид построены в один хронологический период, когда выбор очертания апсид был, по выражению А.Л.Бертье-Делагарда, "делом личного вкуса строителя" [10, с. 40]. В V-VI вв. встречаются как полукруглые, так и полигональные апсиды, что абсолютно исключает возможность устанавливать относительную хронологию памятников по данному признаку.

Пятигранная апсида известна по многим памятникам центральных и южнобережных областей Малой Азии, Сирии, Палестины, Месопотамии [88, р. 305-306; 111, р. 362, 373, 378; 112, р. 104; 104, р. 27]. Г.Милле называет ее анатолийской [103, р. 182-184]. Архитектурными связями с Малой Азией объясняют распространение пятигранной апсиды в Абхазии и Армении [62, с. 93; 38, с. 176-177; 73, с. 198]. Для Балкан и Константинополя были характерны трехгранные апсиды. На территории Болгарии и Румынии известно всего лишь несколько раннесредневековых памятников с пятигранной апсидой – это базилика Крумово Кале и однефная церковь в Царевграде (Тырново) [3, с. 270; 48, с. 27] и два храма в Трозсмисе (табл. IV, 6, 7) [79, р. 157, 159]. В Греции пятигранные апсиды также редки [106, р. 114-115]. В большинстве случаев апсиды памятников названных регионов имеют некоторые отличия от херсонесских. Их противоположные грани сужены и по длине равны или даже преобладают над остальными (табл. VII, 2, 6), в то время как в базиликах Херсонеса они параллельны и значительно короче. Для внутренних областей Малой Азии типичны также подковообразные внутренние очертания апсид, в том числе и пятигранных (табл. VII, 1, 2) [115, р. 14; 112, р. 104], что совершенно не встречается в херсонесских базиликах. Наиболее близкими им аналогиями являются пятигранные апсиды упомянутых храмов VI в. в Румынии (табл. IV, 6, 7) [79, р. 157, 159], трехнефной базилики V в. в Питуунте (Абхазия) (табл. VII, 5) [35, с. 56], а также купольной церкви 470 г. в Мериамлике (Киликия, Малая Азия) (табл. VII, 3) [74, с. 66, рис. 34, 6]. Популярность пятигранной апсиды в Херсонесе, скорее всего, объясняется его связями с Малой Азией. Тем не менее, характерные особенности херсонесских апсид свидетельствуют о том, что они являлись результатом не строгого копирования малоазийских образцов, а наиболее приемлемого их приспособления к местным условиям, возможно, под влиянием других форм (например, трехгранной, чем может объясняться укороченность боковых граней).

Среди базилик Херсонеса особо выделяется Базилика Крузе, имевшая триконхальную форму апсиды (табл. I, 3). Такую же апсиду имел базиличный храм в комплексе Уваровской базилики (табл. II, 1, III). А.Л.Якобсон на основе аналогий связывает данные постройки с сирийской архитектурой и датирует временем не позднее V в. [70, с. 190].

Триконхиальная композиция получила широкое распространение уже в античной (языческой) архитектуре, как светской (нимфеи, термы, дворцы), так и культовой, главным образом, погребальной [119, с. 14-15; 92, с. 113]. Данный план восприняла и древнехристианская архитектура. А.Грабар приводит многочисленные примеры христианских триконхов римского и раннесредневекового времени, расположенных в Италии, Паннонии, Галии, на Балканах, в Северной Африке, Палестине, Сирии [92, с. 102-112]. Приводимый им перечень не позволяет согласиться с датировкой рассматриваемого типа, предложенной А.Л.Якобсоном. А.Грабар называет несколько памятников базиличного типа с триконхиальной апсидой, примыкающей к среднему нефу, относящихся к VI в. – церкви в Ет-Тайжибе и в монастыре Св.Феодосия в Палестине, а также базилику в составе комплекса храма Св.Симеона в Антиохии (табл. IX,3) [92, с. 118-119, fig. 55]. К VI в. относятся некоторые другие известные триконхи, например, баптистерий базилики Белово (табл. X,4) [94, с. 59; 13, с. 18, 20], епископская резиденция в Босре 512 г. [119, с. 21]. Кроме того, датировка не всех приведенных А.Л.Якобсоном памятников бесспорна. Дискуссию вызвала дата базиличной постройки с триконхиальной апсидой дворца в Мшате. Ж.Стржиговский относил ее к IV в., М.Дюссо к V в., М.Диель к V-VI вв., Р.Брунов полагал, что строительство шло в течение VI в. [119, с. 18-20].

Известны случаи использования древних триконхов в несколько более позднее время. В Рас Сиага (Палестина) к триконхиальному мартирию, который А.Грабар относит ко времени до V в., в VI в. пристроили базиличный комплекс, в котором мартирий занял место апсиды (табл. IX,4) [92, с. 111, fig. 45]. Вторичное применение в трехнефном сооружении получил также мартирий-триконх в Хербер Бу Хадеф (Северная Африка), трансформированный в церковь (табл. X,7) [80, с. 120, табл. 77]. Данные примеры подтверждают то, что сочетание триконхиальной апсиды и базиличного плана имело применение и в VI в.²

Несмотря на общий принцип, триконхи получали различное воплощение. На Ближнем Востоке они, как правило, вписаны в толщю кладки и их наружные очертания (в целом или двух боковых конх) имеют прямоугольную форму (табл. IX,4,5) [119, р. 3,10,19,21, fig. 1,4,12,13; 92, fig. 42,45,54,56]. Наиболее близка херсонесским памятникам лишь одна сирийская аналогия, уже названная, это – апсида базиликального помещения храма св.Симеона в Антиохии VI в. Ее наружная форма повторяет внутренний триконхиальный план (табл. IX,3) [92, р. 119, fig. 55; 100, р. 133-134]. Подобную трактовку триконх получил в базиликах, расположенных на территории Италии – это, прежде всего, базилика св.Феликса в Симитиле V в. (по плану триконхиальной апсиды и ее связи с наосом она представляет собой ближайшую аналогию базилике Крузе в Херсонесе) (табл. X,1) [116, р. 734-735], церковь в Пави конца VI или VII в. (табл. X,5) [77, р. 131, pl. XLII, 1], на территории Югославии – базилики первой половины V в. в Бетике (Истрия) [84, р. 2379, fig. 7], второй половины V - первой половины VI в. в Сим и V-VI вв. в Залозье II (табл. X,2,3) [81, р. 73-75, 122-125, fig. 61, 131]. Таким образом, триконхиальный план был сравнительно широко распространен за пределами Ближнего Востока, к тому же в формах более близких херсонесским. Тем не менее, нельзя исключать возможность заимствования данной композиции непосредственно из Сирии, подтверждаем чему служат многочисленные свидетельства ближневосточных связей Херсонеса.

² Триконх оставался популярен и в более позднее время. Известно значительное число небольших храмов-часовен с триконхиальным оформлением апсиды IX-XII вв. [103, с. 92-94; 118, с. 3-14].

Как правило, сооружения с триконхиальной композицией имели специфическое назначение. Они выступали либо в роли мартирия [92, р. 102-119], либо использовались в качестве крещален [99, р. 32, 47]. В каталог баптистериев, составленный А.Хачатрян, вошел триконх из Конкордии Сагитарии (Италия), который в первой половине IV в. являлся мартирием, во второй половине IV в. он стал апсидой базилики, а в конце VI - начале VII в. был превращен в баптистерий [99, р. 77, fig. 313]. Базилики с триконхиальной апсидой практически без исключений являлись мемориальными комплексами, включающими в себя мартирии святых мучеников. Помимо перечисленных памятников, в качестве примера можно привести также базилику св.Панкратия на Сицилии [76, р. 17, fig. 6], небольшой трехнефный храмик, посвященный св.Лоренцо в Италии (табл. X, 6)³ [96, р. 345, fig. 3], базилику св.Максимиана конца IV в. в Провансе [87, р. 335-340, fig. 1]. В связи с этим можно предположить, что и херсонесские храмы с триконхиальной апсидой являлись объектами мемориального культа.

Принадлежность херсонесских базилик эллинистическому типу демонстрирует западная часть их плана. Все они были снабжены нартексом, который является традиционной чертой базилик Константинополя, Греции, Балкан, Эгейского побережья Малой Азии. Данная часть здания предназначалась для оглашенных, которые до крещения не допускались на литургию евхаристии [61, с. 164-165]. Для сводчатых базилик в целом нартекс не характерен. Примером служат базилики Армении и Восточной Грузии [9, с. 8; 74, с. 118]. Там же, где он присутствует (например, базилики Бинбиркилисе), в большинстве случаев состоит из изолированных боковых помещений в виде башен (табл. VII, 1, 4), что также наблюдается во многих стропильных базиликах Сирии [74, с. 58, 88-90; 115, р. 10, 14, 17; 111, fig. 80].

Четыре херсонесских базилики имели экзонартекс. Внешний нартекс встречается сравнительно редко, главным образом, в памятниках конца V - VI вв. в Болгарии, а также в Македонии, Сербии. Несколько храмов известно в Греции, 2 базилики на Кипре [28, с. 191-193; 50, с. 25; 108, с. 491-492]. Херсонесские экзонартексы представляли собой крытую галерею. Их западная сторона была оформлена в виде аркады, опорами которой служили колонны (4 в Восточной (табл. III, 2), 6 в Западной базиликах (по плану М.Скубетова [1, с. 32, рис. 27]), а в Уваровской базилике 4 колонны и 2 столба (табл. II, 1). Широкие устои по углам экзонартекса Базилики 1935 г. (табл. II, 2) позволяют предположить и здесь наличие аркады.

Оформление портала в виде колонного портика подчинено античной традиции и известно по многим памятникам различных регионов Византии [74, с. 11, 14, 44, 57, 66, 85, 95, 22; 123, fig. 84, 86, 89, 90-97]. Экзонартексы в форме портиков находились в базиликах в Сандански (Болгария, первая половина VI в.) из 5 колонн [28, с. 106], в Брауроне (Греция, первая половина VI в.) из 6 колонн [106, с. 110], в базилике В в Филиппах из 6 колонн и 2 столбов (Греция, середина VI в.) (табл. V, 2) [32, с. 31], в базилике у подножия акрополя в Царичин Граде (VI в.) [32, с. 86].

Единственная базилика в Херсонесе, Уваровская, имела атриум (табл. II, 1, IV), в центре которого располагался фиал, предназначенный для ритуального омовения [88, р. 288]. А.Папагеоргиу считает присутствие атриума, в частности, в базиликах Кипра, Греции, Эгейского побережья Малой Азии свидетельством влияния Константинополя [108, р. 492, 495]. Атриум также известен в трехнефных базиликах Рима, Палестины, Македонии, реже

³ Данное сооружение представляет собой близкую аналогию упомянутому храму в комплексе Уваровской базилики (табл. II, 1, III). Он также имел сильно укороченные пропорции и две пары опор, делящих наос.

в Сирии, Северной Африке и совершенно отсутствует в Закавказье, центральных и северных районах Малой Азии, Месопотамии [88, р. 267-272]. Некоторые базилики Болгарии (в Хисарах, Несебре, Кабиле, Сандански) и Румынии (в Тропеум Треани) также имели атриумы (табл. IV, 2, 3, 5) [117, р. 2499; 67, с. 17-18; 18, с. 132; 79, р. 163, 173-174].

Однако, в подавляющем большинстве случаев атриум сочетается в базиличном комплексе лишь с одним нартексом. В Уваровской же базилике мы наблюдаем присутствие двух нартексов и атриума. Базилика в Сандански, сохранившаяся лишь в западной своей половине, также имела экзонартекс в виде пятиколонного портика, к которому примыкала территория, вымощенная камнем [28, с. 106, 119]. По допущению авторов, здесь мог находиться двор, огороженный каменной оградой [28, с. 119]. Условной аналогией может служить сирийская базилика V в. в иль-Барах (табл. VI, 1) [74, с. 85, рис. 46в], которая также имела два нартекса и атриум. Однако, внутренний нартекс здесь объединялся с боковыми нефами в виде обхода вокруг центрального нефа, отделенного с трех сторон колоннадой. По-видимому, этим и объяснялось наличие здесь экзонартекса, редкого в Сирии. Также как и в Уваровской базилике, ширина атриума рассматриваемого памятника включала в себя боковые помещения, примыкающие к экзонартексу, центральная часть которого была в виде портика.

Как правило, атриумы представляли собой дворы с тремя или четырьмя портиками по периметру, служившими укрытиями от дождя и снега [88, р. 276-288]. И. Барнеа называет их греческим созданием [79, р. 174]. В центре четырехпортиковых атриумов двух кипрских базилик с нартексом ("extra muros" в Курионе и в Солои), Западной базилики в Мемпсисе (без нартекса) находились фиалы (табл. V, 6; VI, 3) [107, р. 4-5, 12; 105, р. 53]. Не исключено, что атриум Уваровской базилики также имел портики, остатки которых не сохранились, так как в позднее время данная территория использовалась в хозяйственных целях [24, с. 308].

Дискуссионным является вопрос о наличии в херсонесских базиликах вторых этажей или так называемых хор (гинекей, трибун, верхних галерей). Трудность в разрешении данной проблемы заключается в очень плохой сохранности большинства памятников. От них сохранились, главным образом, фундаменты и нижние ряды кладки стен. В связи с этим, попытки прояснить вопрос о хорах основываются на косвенных данных.

А.Л.Бертье-Делагард допускал наличие хор в Базилике в базилике на том основании, что при ее раскопках найдены колонны двух основных размеров, позволяющих предположить их постановку одна над другой [10, с. 22]⁴. По словам А.Л.Якобсона, в пользу вывода А.Л.Бертье-Делагарда свидетельствуют и различия в размерах капителей [70, с. 172]. Однако, в другом месте той же работы ("Раннесредневековый Херсонес") А.Л.Якобсон высказывает сомнение в возможности хор в херсонесских базиликах. Он допускал их присутствие лишь у наиболее крупных, Уваровской и Западной, но отмечал, что "и в отношении последних никаких определенных указаний на существование таких галерей нет" [70, с. 146]. Единственным признаком, по которому можно судить о том, что базилика имела хоры, Ю.Г.Лосицкий считает лестницу, ведущую на них [41, с. 96]. За остаток такой лестницы принята кладка, расположенная в западной части северного нефа Базилики на холме [7, л. 20; 8, с. 117]. Однако, на плане 1974 г. она расположена практически посередине ширины северного нефа, несколько к востоку к входа [7], а, следовательно, не могла быть основанием лестницы на хоры. Подобные лестницы выводились за пределы нефов. Они располагались либо в нартексе, как например, в большом храме в Пицунде [72, с. 39], либо в помещениях, примыкающих к нартексу с севера или юга. Примером

⁴ Колонны разных размеров обнаружены и при раскопках Базилики 1935 г., что также позволило ее исследователю, Г.Д.Белову, предполагать здесь наличие хор [5, с. 94].

последнего являются болгарские базилики на Пиринч-Тепе близ Варны, Еленского монастыря (около Пирдопа) и другие [45, с. 381, 383]. Н.Чанева отмечает, что в болгарских храмах лестница на второй этаж никогда не находилась в наосе [67, с. 20]. Раннесредневековые базилики Добруджи также имели хоры, которые, по мнению И.Барнеа, имеют чисто греческое происхождение [78, р. 337]. Действительно, в эллинистических базиликах Греции они почти обязательный элемент, в то время как в Италии хоры редки [50, с. 25-26; 74, с. 40]. Двухэтажные базилики многочисленны и на Кипре, что А.Папагеоргиу считает результатом влияния Константинополя и Греции [108, р. 493]. В кипрских базиликах, как и в болгарских, лестницы на хоры располагались в помещениях, сообщающихся с нартексом [108, р. 494]. Верхние галереи имели и базилики Абхазии, в частности, Сепиетская и Цандрипшская, которой присущи черты эллинистического типа [63, с. 186]. Значительно реже, чем в отмеченных регионах, хоры встречаются в Сирии, Палестине, восточной части Малой Азии, Северной Африке [50, с.25; 74, с. 40]. В сирийских базиликах лестница на хоры находилась в башнях по краям нартекса [74, с. 88].

Широкое распространение базилик с хорами в регионах преобладания эллинистического типа позволяет с большой долей вероятности предположить, что базилики Херсонеса также могли иметь хоры. Как правило, они располагались над боковыми нефами и нартексом, что требовало особой прочности фундаментов стен и стилобатов. Судя по толщине (около 1 м и более) и прочности (бутовый камень на известковом растворе) фундаментов большинства базилик, они могли быть рассчитаны на вторые этажи. Достаточной прочностью обладали также и стилобаты (0,7-0,9 м толщиной), верхний ряд которых состоял из массивных каменных блоков, например, в южном стилобате Западной базилики такие блоки достигали размеров 1,00x0,75x0,50 м [56, л. 170]. Безусловно, в пользу существования хор в херсонесских базиликах говорят и наблюдения А.Л.Бертье-Делагарда и А.Л.Якобсона. Отсутствие же лестниц объясняется лишь плохой сохранностью херсонесских базилики и не может свидетельствовать в пользу их одноэтажности⁵.

Характерной чертой всех базилик Херсонеса является массовое применение мраморных деталей в их интерьере, в частности, колонн, разделяющих наос на нефы [70, с. 131-152]. По определению специалистов, большинство из них происходят из императорских мрамороломней на о.Проконнес (Мармора) в Мраморном море [70, с. 132]. Аналогичные детали как по стилю, так и по материалу, обнаружены во многих регионах Византийской империи и рассматриваются исследователями как безусловное свидетельство прямых контактов отдельных местностей с Константинополем [62, с. 93; 102, р. 68; 82, р. 72, 79; 17, с. 41; 91, р. 2783-2789].

Несмотря на производство мраморных деталей в огромном количестве, в ряде областей в них испытывали недостаток. О дефиците мраморных декоративных изделий свидетельствуют, например, факты изготовления из местного камня отдельных деталей (капителей, алтарных преград, карнизов), имитирующих проконнесские образцы. Они обнаружены в Абхазии (церковь конца V - начала VI в. на городище Гюэнос) [31, с. 132], на территории Добруджи [78, р. 340], в Царичин Граде [32, с. 78, 79, 115, 116], на Кипре [102, р. 62], а также в ряде других мест. Данное обстоятельство объясняется, скорее всего, высокой ценой на мраморные детали, включающей и транспортные расходы. Экономические причины этого явления подтверждает приведенный В.А.Леквинадзе

⁵ Подобная лестница могла находиться, например, в одном из помещений примыкающем к экзонартексу Уваровской базилики (табл. II, 1).

пример раннесредневековой Ликии (Малая Азия), где городские базилики имели мраморные колонны, а деревенские – каменные столбы [37, с. 314]. Столбами были разделены наосы практически всех абхазских эллинистических базилик VI в. – в Петре [38, с. 176], в Вашнари [37, с. 313], в Пицунде (по Л.Г.Хрушковой – церковь № 3) (табл. VII, 5) [62, табл. XI-XII]. Колонны могла иметь лишь более ранняя Пицундская базилика (№ 2) (IV в.) [36, с. 176]. Не исключено, конечно, что применение столбов в этом регионе объясняется не только экономическими факторами, но и влиянием сводчатой малоазийской архитектуры.

Нередко в качестве межнефных опор применяли вместо мраморных колонны из камня. Например, на Кипре известны базилики как с мраморными колоннами (базилики "extra muros" в Курионе, в Карпазии), так и с каменными (большая базилика в Соли, базилика в Ая Триас) [107, р. 3; 102, р. 64, 67]. Каменные колонны составляли интерьер практически всех храмов Царичин Града, в том числе и кафедрала (Епископской церкви) [32, с. 312, 330, 331, 344].

Значительным разнообразием отличались опоры базилик на территории Болгарии. Мраморные колонны встречаются сравнительно редко, например, в базилике в Сандански [28, с. 125-128]. В ряде базилик одновременно использовались мраморные и каменные колонны или столбы (базилика у с.Долни Воден [46, с. 15]). Большинство же болгарских базилик имели каменные опоры [примеры некоторых из них см.: 43, с. 5; 44, с. 29; 57, с. 44; 3, с. 284; 59, с. 127]. В ряде хисарских базилик и в базилике у с.Коматево колонны состояли из кирпичных сегментов [65, с. 187; 66, с. 17-18; 16, с. 162]. В Старой митрополии внутреннее пространство делили прямоугольные столбы, сложенные из камня и кирпича [68, с. 125]. Однако, по предположению С.Бояджиева, столбы относятся ко времени реконструкции данной базилики. Изначально же здесь могли быть цилиндрические колонны, что в комплексе со всем планом постройки чрезвычайно сближает ее с базиликой Студийского монастыря в Константинополе (табл. IV, 1, 2) [83, с. 325]. Использование столбов становится характерной чертой балканских базилик VI в. [117, р. 2496]. В Херсонесе же абсолютно все базилики имели мраморные колонны и капители (последних насчитывается около 200 экземпляров [70, с. 131-132]), что, является их отличительной особенностью и свидетельством достаточно высокого материального уровня города.

Важной частью интерьера херсонесских раннесредневековых храмов являлись мозаичные полы. Их остатки зафиксированы в большинстве базилик, а также в четырехапсидном храме. Подробное описание мозаичных мотивов и их композиций содержится в труде А.Л.Якобсона "Раннесредневековый Херсонес" [70, с. 222-247]. Обширный сравнительный материал, приведенный в монографии, а также параллели из публикаций последних десятилетий, демонстрируют художественную и техническую общность наших мозаик с многочисленными раннесредневековыми памятниками таких регионов Византийской империи, как Греция [124, табл. 1, 2, 18, 20, 26 и др.; 125, табл. 172-175, 329], Македония [64, с. 29-32], Фракия [98, р. 2554-2556; 28, с. 129-133, 154-160], Эгейское и Средиземноморское побережье Малой Азии [113, р. 1625-1635; 70, с. 247]. Аналогичные херсонесским геометрические мотивы имеются также в мозаиках Сирии [85, р. 87, 88, 99, 100; 89, р. 129, 141, 183].

Помимо базилик культовая архитектура Херсонеса ранневизантийского времени представлена также двумя центрическими купольными постройками, это – четырехапсидный храм (табл. I, 2) и баптистерий в комплексе Уваровской базилики (табл. II, 1, II).

Археологический материал, полученный в результате исследования одновременных сооружений четырехапсидного храма слоев, свидетельствует о том, что данное

строительство могло произойти в период не ранее середины - второй половины VI в. [34, с. 162-164; 55, с. 67]. Датировка храма временем не ранее VII в. (тем более серединой столетия), на которой настаивают О.И. Домбровский и В.А. Кутайсов [20, л. 32; 34, с. 158], не подкрепляется ни археологическими данными, ни аналогиями. Упомянутые авторами памятники, в частности, храмы в Селевкии (конец V в.), в Босре (512-513 гг., Сирия) (табл. IX, 1) [74, с. 100, рис. 57а], Красная церковь близ Перушицы (конец V - начало VI в., Болгария), Звартноц (середина VII в., Армения) (табл. IX, 2) [74, с. 136, рис. 77] относятся, как видим, к широкому хронологическому периоду. Кроме того, перечисленные храмы значительно отличаются от херсонесского, представляющего собой простейший тип тетраконха. В этих же сооружениях ажурный (на колоннах или столбах) внутренний тетраконх окружен деамбулаториумом (обходной галереей). Наружная композиция храма в результате получила прямоугольную (храм в Босре) (табл. IX, 1) или центрическую (Звартноц) (табл. IX, 2) форму. Развитие данного типа проходило на протяжении ряда столетий, начиная с античности (термы II в. н.э.) [74, с. 99-101]. Его расцвет в регионах Средиземноморья (Балканы, Египет, Сирия) относят к концу V - первой половине VI в. [109; 110]. Примером высшего развития этой композиции считается храм Бдящих Сил - Звартноц, мавзолей Григория Просветителя [74, с. 134-138].

В четырехапсидном храме внешние очертания полностью воспроизводят внутреннюю форму тетраконха. Аналогичную композицию имели баптистерии в Стоби (V-VI вв., Македония) и Тигзирте (конец V - начало VI в., Алжир) (табл. VIII, 1, 2) [95, р. 168-169; 101, р. 401-402; 90, р. 380; 99, р. 135]. Однако обе постройки находились в связи с базиликами. Тип тетраконха в чистом виде был очень популярен в Закавказье. Близкой аналогией крымскому памятнику является церковь в Дзвели-Гавази (Грузия), датируемая серединой VI в. (табл. VIII, 3) [2, с. 112, рис. 19]. Изначально она также представляла свободный тетраконх. Лишь впоследствии, в VIII-IX вв. во время реставрации со стороны трех апсид к храму пристроили открытый портик на аркадах. Не исключено, что сохранившиеся остатки стен, примыкающие к херсонесскому храму, представляли нечто подобное.

Примерами самостоятельного тетраконха являются Кашветский храм в Тбилиси первой половины VI в., первоначальный Манглисский храм начала VII в. [2, с. 112], небольшая церковь в Ноджихеви V или VI в. (табл. VIII, 4) [63, с. 188, табл. III, 6], а также ряд раннесредневековых памятников в Армении [71, с. 45]. Свободный тетраконх известен и в более позднее время. Например, можно упомянуть церковь Айраванка на озере Севан в Армении (конец IX в.) (табл. VIII, 5) [60, с. 230-231, рис. 39, 1], баптистерий в Бьелла в Италии (IX-X вв.) (табл. VIII, 6) [86, р. 241, fig. 132]. Данный архитектурный тип получил отражение и в архитектуре Древней Руси. Речь идет, в частности, о тетраконхе второй половины XII в. у с. Побережье в окрестностях Галича [52, рис. 2].

Таким образом, как представляется, перед нами два варианта центрических храмов, в основе которых лежит тетраконх. Скорее всего, они не являются какими-то отдельными этапами в процессе развития рассматриваемого типа. Судя по времени возведения приведенных памятников, данные композиции использовались параллельно. Композиционная и хронологическая близость четырехапсидного храма с отмеченными сооружениями на территории Закавказья, возможно, указывает на архитектурные связи Херсонеса с этим регионом.

Многие из упомянутых храмов являлись маририями. Таковым, по-видимому, был и четырехапсидный храм в Херсонесе. На это указывает отмеченное В.А. Кутайсовым отсутствие алтаря и каких-либо следов престола или синтрона [34, с. 158].

Другое центрическое сооружение, перекрытое куполом, а именно баптистерий, судя по нумизматическим данным, сооружено одновременно с Уваровской базиликой, в

комплекс которой оно входило [11, с. 78; 24, с. 305]. Относительно хорошая сохранность остатков, а также уникальность, как для самого Херсонеса, так и для всего Крыма, сделали крещальню объектом пристального внимания многих исследователей. Детальное ее описание дано в ряде работ, посвященных Херсонесу [10, с. 41-42; 1, с. 15-24; 11, с. 70-87; 70, с. 208-211]. Большая заслуга в изучении этого памятника принадлежит А.Л.Бертье-Делагарду. Он первый определил его назначение [10, с. 41] и опубликовал план и реконструкцию здания [11, табл. I], представляющего собой октагон с примыкающими к нему тремя экседрами и купелью в центре.

А.Мегао называет центрические здания с расположенной по середине купелью баптистериями константинопольского типа [102, р. 67]. Однако, более или менее точных аналогий нашей крещальне, по справедливому замечанию А.Л.Бертье-Делагарда, практически не известно [11, с. 83]. Можно привести примеры лишь с общей композиционной основой. К ним относится триконхиальный баптистерий, примыкающий к нартексу базилики в Белово (Болгария) VI в. (табл. X, 4) [94, fig. 2]. Баптистерий восточной базилики в Аполлонии (Киренаика, Северная Африка) имел три конхи, вписанные в прямоугольный массив стены, прямоугольную западную часть и большую купель в центре (табл. VI, 5) [91, р. 2746, fig. 2]. Оба отмеченных памятника, в отличие от крещальни Уваровской базилики, примыкали непосредственно к зданию базилики. По замечанию Н.Дюваля, в Киренаике не было самостоятельных баптистериев [91, с. 2780]. Самостоятельный баптистерий VI в. входил в комплекс "мраморной базилики" в Тропеум Треани (Румыния). Он располагался к югу от атриума и состоял из трех помещений, последнее из которых, наибольшее, имело три конхи и купель (табл. IV, 5) [79, р. 173-177, fig. 60, 2].

Для изучения влияния на архитектуру Херсонеса важно рассмотреть технику кладки стен зданий. Из-за плохой сохранности интересующих нас объектов сложно судить о большей части их стен. Тем не менее, на примере ряда базилик (Уваровской, Северной, № 28, Западной), крещальни Уваровской базилики и четырехапсидного храма можно сделать вывод о широком применении в культовом строительстве города смешанной кладки. В этом А.Л.Якобсон видел главное отличие херсонесских базилик от малоазийских [69, с. 186]. В Малой Азии, особенно во внутренних ее районах, а также в Сирии преобладала исключительно каменная кладка из крупных тесанных блоков [115, р. 11-20, 51, 59, 63; 100, р. 46, 48, 50, pl. IX-XI]. Чередование слоев камня и кирпича (*opus mixtum*) характерно для столичной архитектурной школы и встречается как в храмах Константинополя (базилика Студийского монастыря, храм св.Софии и другие), так и на территории, испытывавшей его сильное влияние, то есть на Балканах, в Греции, в западной части Малой Азии [99, с. 154-201, табл. I, II; 49, с. 68-70]. Система *opus mixtum* отмечена также в крепостных и культовых сооружениях на территории Абхазии [72, с. 38; 37, с. 311; 38, с. 172, 174, 177; 62, с. 88-91].

Применение данной техники в храмах Херсонеса А.Л.Якобсон объясняет не столько влиянием Константинополя, сколько следованием римской традиции [70, с. 186-187]. Однако, позднеантичная по происхождению кладка, состоящая из чередующихся поясов камня и кирпича, в ранневизантийский период приобретает ряд особенностей, которые, по мнению исследователей, являются хронологическими признаками. Так, С.Бобчев систематизировал и развил вывод о том, что на протяжении римского и раннесредневекового времени наблюдается тенденция, направленная на увеличение числа рядов кирпича с 2-3-х до 5-6-ти [12]. По наблюдениям А.М.Шнайдера, увеличивается также толщина раствора между рядами кирпича – в доюстиниановский период она приблизительно равна толщине кирпича, в юстиановский и позже превышает ее [62, с. 89]. Эти

выводы подтвердились и на памятниках Абхазии [62, с. 90; 31, с. 130, 139-140]. К сожалению, исследователи херсонесских храмов, как правило, не обращали внимания на эти характеристики интересующих нас кладок, из-за чего мы не имеем точных данных о них. Однако, на примере крещальни Уваровской базилики видно, что кирпичный пояс здесь состоял из 4-5 рядов, толщина же раствора превосходила толщину кирпича [11, с. 83], что соответствует стандартам юстиниановской и постюстиниановской эпохи, а следовательно, согласуется с датировкой, основанной на нумизматических данных. На этом основании можно сделать вывод о том, что строители херсонесских храмов следовали не непосредственно римским традициям, а строительным законам, существовавшим в раннесредневековой столичной архитектурной школе.

В херсонесских храмах кирпич использовался не только в кладке стен. Кирпичными были также арки межнефных колоннад и окон, о чем свидетельствуют обнаруженные при раскопках их фрагменты [5, с. 91]. Свидетельством аркад в базиликах является большое число мраморных импостов, служивших опорой для пят арок и не применявшихся в базиликах с архитравами. В балканских базиликах аркады появляются с конца IV в., в VI в. они практически полностью заменяют архитравы [117, р. 2501]. В регионах, где при строительстве широко использовался кирпич, арки были кирпичные. В базиликах Сирии, центральных областей Малой Азии внутренние опоры также соединялись арками, однако они подобно кладке их стен сложены из тесанных блоков камня [100, Pl. X, XII, XIV; 115, р. 16, 20, 59, 111, 112].

Таким образом, рассмотренные композиционно-типологические и строительные характеристики раннесредневековых храмов Херсонеса, не оставляют никаких сомнений относительно принадлежности наших памятников к ранневизантийской христианской архитектуре. Сложнее решить вопрос о степени влияний конкретных регионов, вызвавший разногласия в отечественной историографии. Сложность заключается в том, что нигде нет храмов абсолютно идентичных херсонесским, в то же время отдельные их черты находят аналогии в памятниках практически всех регионов империи. Тем не менее, акцентируясь на основополагающих характеристиках можно сделать вывод о том, что для строителей херсонесских памятников главным ориентиром в выборе архитектурных форм была, прежде всего, столичная архитектурная школа, распространившая свое влияние на значительную территорию Средиземноморья и Причерноморья. Это проявилось как в эллинистическом типе, определившем облик всех херсонесских базилик, так и в декоративном убранстве их интерьеров, в строительной технике, в литургическом устройстве. Архитектурная ориентация на Константинополь хорошо согласуется с фактом прямой зависимости Херсонесской епархии от Константинопольского патриарха, которую укрепил Халкидонский собор в 451 г. [51, с. 421; 42, с. 103].

Помимо столичных черт херсонесская архитектура впитала в себя также элементы других региональных школ. К ним относятся, например, триконхальные апсиды (Базилика Крузе и храм в комплексе Уваровской базилики), ближневосточное, а именно, сирийское происхождение которых подчеркивал А.Л.Якобсон [70, с. 190]. С сирийской традицией связывают также небольшие купели в апсиде или нише, примеры которых зафиксированы в комплексах Западной базилики (табл. III, 1, Б) и Базилики в базилике [54, с. 292]. Многочисленные аналогии им известны как на Ближнем Востоке [99, fig. 27, 38, 39, 61], так и в Абхазии (Гантиадская базилика) [62, с. 25], на Балканах (Новэ, Чобан-Дере) [97, р. 26; 47, с. 17].

К свидетельствам малоазийского влияния относятся пятигранные апсиды некоторых херсонесских базилик (Западная, Восточная, Северная, № 28, 1932 г.). Скорее всего, архитектурным связям именно с Малой Азией Херсонес обязан и крестообразными

сооружениями, как в виде самостоятельных храмов (Загородный, Западный загородный, № 19 и № 27), так и в качестве пристроек к Западной и Восточной базиликам. Доследование Храма с ковчегом (№ 19) и Загородного крестообразного храма позволило О.И. Домбровскому, позднее Ю.Г. Лосицкому пересмотреть раннесредневековую дату всех крестообразных сооружений Херсонеса и отнести их ко времени не ранее X в. [19, с. 40; 21, с. 316; 39, с. 30, 35; 40, с. 45]. Однако подобная передатировка абсолютно всех памятников представляется несколько поспешной. Многочисленные постройки с планом в виде свободного креста, известные в Малой Азии, а также в Сирии, Палестине, относятся к периоду между IV и VI вв. [92, р. 154-157]. Довольно часто подобные строения мемориального характера примыкали к другим, более важным храмам [92, р. 157]. Крестообразный мавзолей имели, например, раннесредневековые базилики № 21 в Бинбиркилисе (табл. VII, 4) [74, с. 58, рис. 29в], в Аладжа-Яйла [112, р. 318], церковь Апостолов VI в. в Константинополе (табл. IV, 4) [14, с. 57, рис. 28]. Последний является наиболее близкой аналогией мавзолеям Западной и Восточной базилик. Раннесредневековые параллели позволяют предположить, что пристройки херсонесских базилик могут относиться к периоду, близкому возведению самих базилик (примерно с VII по IX вв.)⁶. В пользу этого свидетельства также сходство кладок Восточной базилики и ее мавзолея [70, с. 165].

Ближайшие аналогии четырехапсидному храму дают раннесредневековые тетраконхи Закавказья, что, возможно, определяет направление поиска его источников.

Таким образом, формирование раннехристианской архитектуры Херсонеса проходило под влиянием различных региональных школ при доминировании столичных канонов. Однако данный процесс не являлся простым копированием иноземных форм, которые, будучи максимально приспособлены к имевшимся потребностям и условиям, приобретали местную специфику. В результате образовалась небольшая локальная архитектурная группа памятников, главным образом, базилик, сходных между собой как в начальных формах, так и в последующих перестройках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. I.
2. Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М., 1950. Т.1.
3. Ангелов Н. Културни платове преди изграждането на двореца // Царевград Търнов. Дворецът на българските царе през втората българска държава. София, 1973. Т.1.
4. Антонова В. Две раннохристиянски църкви във външното укрепление на аула на Хан Омуртаг при гара Цар Крум (Шуменско) // Археология. София, 1968. Кн. 4.
5. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Симферополь, 1938.
6. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. №4.
7. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1974 г. // НА НЗХТ, д. 1725, л.1-60.
8. Беляев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973-1977 гг.) // ВВ. 1979. Т.40.
9. Беридзе В.В. Грузинская архитектура "раннехристианского" времени (IV-VII вв.). Тбилиси, 1974.
10. Бертъе-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. №12.
11. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып.21.
12. Бобчев С.Н. Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи // Известия на археологическия институт. София, 1961. XXIV.
13. Бояджиев С. Раннохристиянска църква край с. Голямо Белово, Пазарджишки окръг // Археология. София, 1969. Кн.3.

⁶ По архитектурным данным А.Грабар датировал херсонесские крестообразные постройки временем с IV по VI-VII вв. и считал их более архаичными по сравнению с малоазийскими образцами [92, р. 158-159].

14. Брунов Н.И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. Л.-М., 1966. Т.3.
15. Гриневич К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х.Лепера // ХСБ. 1930. Вып.III.
16. Джамбов Х. Базиликата при Коматеве, Пловдивски музей // Годишник на Народния археологически музей Пловдив. София, 1959. Кн. III.
17. Димитров Д.И. Кемпфери и йонийски кемпферови капители от ранновизантийската епоха във Варненския археологически музей // Известия на археологическия институт. София, 1967. XXX.
18. Димитрова А. Разкопки на базилика № 1 в Кабиле // Кабиле. София, 1982. Т.I.
19. Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. 1960. №1.
20. Домбровский О.И., Кутайсов В.А. Отчет о работах Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции института археологии АН УССР в 1977 г. // НА НЗХТ, д. 1980, л.1-88.
21. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып.III.
22. Жеребцов Е.Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 1963. Т.XXIII.
23. Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса "Базилика 1935 г." в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып.V.
24. Завадская И.А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып.I.
25. Завадская И.А. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. 1998. Вып.VI.
26. Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып.VII.
27. Завадская И.А. Этапы христианизации Херсонеса // Сходознаство. 2000. №9-10.
28. Иванов Т., Серафимова Д., Николов Н. Разкопки в Сандански през 1960 г. // Известия на археологическия институт. София, 1969. XXXI.
29. Иванов Т. Старохристиянските базилики в Ятрус // Археология. София, 1976. Кн.3.
30. Иванова В. Две старохристиянски базилики // Годишник на Народния музей. София, 1932-1934. Кн. VI.
 1. Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюзнос // ВДИ. 1987. №1.
 2. Кондић В., Половић В. Царичин град. Утврњено насеље у византијском Илирику. Београд, 1977.
 3. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. 1902. №4.
 4. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. №1.
 5. Леквинадзе В.А. О некоторых сооружениях древнего Питуунта // КСИА. 1968. Вып.113.
 36. Леквинадзе В.А. Гантиадская базилика // СА. 1970. №3.
 37. Леквинадзе В.А. Раннесредневековые памятники Вашнари // СА. 1972. №3.
 38. Леквинадзе В.А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии // ВВ. 1973. Т.34.
 39. Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988.
 40. Лосицкий Ю.Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. 1990. №2.
 41. Лосицкий Ю.Г. Про византийські базилики Херсонеса // Археологія. 1991. №2.
 42. Мещеряков В.Ф. Проникнення християнства в Херсонес Таврійський // Вісник Харківського університету. 1975. № 118 - Історія. Вип. 9.
 43. Мирчев М. Разкопки на Тракийското селище край с. Галата // Известия на археологическото дружество в гр. Сталин. 1954. Кн.IX.
 44. Мирчев М., Тончева Г., Димитров Д. Бизоне-Карвуна // Известия на Варненското археологическо дружество. 1962. Кн.XIII.
 45. Миятев К. Доболгарская архитектура на территории Болгарии // Всеобщая история архитектуры. Л.-М., 1966. Т.3
 46. Морева Р. Старохристиянска базилика и средновековна църква при с. Долни Воден, Пловдивски окръг // Археология. София, 1983. Кн.4.

47. Мутафчиев П., Господинов Ю. Базиликата при Чобан-дере, Ески-Джумайско // Извъстия на Българското археологическо дружество. София, 1920. VII.
48. Овчаров Д. Базилика № 2 в крепостта "Крумово кале" до Търговище // Археология. София, 1976. Кн.3.
49. Овчаров Д. Византийски и български крепости V-X век. София, 1982.
50. Полевой В.М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973.
51. Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей - 1054 г.). Киев, 1991.
52. Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986.
53. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках "Северной базилики" в 1981 г. // НА НЗХТ, д. 2226, л.1-20.
54. Рыжов С.Г. Новые данные о "базилике в базилике" // Античный мир. Византия. Харьков, 1997.
55. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
56. Суров Е.Г. Отчет о раскопках в северо-западной части Херсонесского городища в 1963 г. // НА НЗХТ, д. 1138, л.1-248. (Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического гос. музея и Уральского гос. университета в 1963 г.).
57. Табакова-Цанова Г., Овчаров Т. Ранновизантийска базилика при с. Крън, Старозагорски окръг // Археология. София, 1975. Кн.3.
58. Уваров А. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. М., 1854. Кн. IV.
59. Филлов Б. Хисарската кръпостъ въ Пловдивско и нейната базилика // Извъстия на Българското археологическо дружество. София, 1911. Т. II. Связка 1.
60. Халпахчян О.Х. Архитектура Армении // Всеобщая история архитектуры. Л.-М., 1966. Т.3.
61. Хрушкова Л.Г. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977-1979 гг.) // ВВ. 1982. Т.43.
62. Хрушкова Л.Г. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми, 1985.
63. Хрушкова Л.Г. Архитектурные связи Восточного Причерноморья в раннехристианское время // ВВ. 1991. Т.52.
64. Цветковић-Томашевић Г. Рановизантијски подни мозаици. Дарданија, Македонија, Нови Епир. Београд, 1978.
65. Цончев Д. Една новооткрита базилика въ Хисаря // Годишникъ на Пловдивската народна библиотека и музей. 1937-1939. София, 1940.
66. Цончев Д., Маджаров К. Две новооткрити базилики в Хисар // Археология. 1965. Година VII. Кн.1.
67. Чанева Н. Старохристиянската и ранновизантийската базилика от IV-VI в. в България // Археология. София, 1968. Кн.2.
68. Чимбулева Ж. Памятники средневековья в г.Несебр // Byzantino-bulgarica. София, 1981. VII.
69. Чубинашвили Г.Н. К вопросу о начальных формах христианского храма // ВВ. 1972. Т.33.
70. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. №63.
71. Якобсон А.Л. Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества // СА. 1970. № 4.
72. Якобсон А.Л. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИА. 1972. Вып.132.
73. Якобсон А.Л. Армения и Сирия. Архитектурные сопоставления // ВВ. 1976. Т.37.
74. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983.
75. Якобсон А.Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т.49.
76. Agnello G. L'architettura rupestre Bizantina in Sicilia // Atti del V Congresso internazionale di studi Bizantini. Roma 20-26 settembre 1936. Roma, 1940.
77. Arslan E. Remarques sur l'architecture Lombarde du VII-e siècle // Cahiers archéologiques. Paris, 1954. VII.
78. Barnea I. Éléments d'art grec des basiliques paléochrétiennes de la Scythie Mineure // Δελτίον της χριστιανικής αρχαιολογικής εταιρείας. 1964-1965. Αθήνα, 1966.
79. Barnea I. Les monuments paléochrétiens de Roumanie. Roma, 1977.
80. Basiliques chrétiennes d'Afrique du Nord. Paris, 1992.

81. Basler D. *Architektura kasnoantickog doba u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo, 1972.
82. Biernacki A.B. Remarks on early christian architectural details made of proconnesian marble and found in Novae (Moesia Inferior) // *Late Roman and Early Byzantine cities on the Lower Danube (from the 4th to the 6th Century A.D.)*. Poznan, 1997.
83. Bojadziev S. *L'ancienne église Métropole de Nesebar* // *Byzantino-Bulgarica*. 1962. I.
84. Bratoz R. The development of the early christian research in Slovenia and Istria between 1976 and 1986 // *Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21-28 septembre 1986)*. Rome, 1989. Vol.III.
85. Campbell S. *The Mosaics of Antioch*. Toronto, 1988.
86. Cattaneo R. *L'architecture en Italie du VI-e au XI-e siècle*. Venise, 1860.
87. Chatel E. *Crypte de l'église de Saint-Maximin* // *Actes du V-e Congrès international d'archéologie chrétienne (13-19 septembre 1954)*. Paris, 1957.
88. Delvoye Ch. *Études d'architecture paléochrétienne et byzantine* // *Byzantion*. 1962. T.XXXII.
89. Donceel-Voûte P. *Les pavements des églises byzantines de Syrie et du Liban. Décor, archéologie et liturgie*. Louvain-la-Neuve, Belgique, 1988.
90. Duval N. *L'évêque et la cathédrale en Afrique du Nord* // *Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21-28 septembre 1986)*. Rome, 1989. Vol.I.
91. Duval N. *Les monuments d'époque chrétienne en Cyrénaïque a la lumière des recherches récentes* // *Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21-28 septembre 1986)*. Rome, 1989. Vol.III.
92. Grabar A. *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. Paris, 1946. Vol.I.
93. Grabar A. *Les ambons et la fonction liturgique de la nef dans les églises antiques* // *L'art de la fin de l'antiquité et du Moyen Age (par A.Grabar)*. Paris, 1968. Vol.2.
94. Grabar A., Emerson W. *The basilica of Belovo* // *The bulletin of the Byzantine Institute*. Paris, 1946.
95. Hodinott R.F. *Early byzantine churches in Macedonia and Southern Serbia*. London; New York, 1963.
96. Jurlaro R. *Architettura paleo-cristiana nel Salento* // *Actas del VIII Congreso internacional de arqueologia cristiana*. Barcelona 5-11 octubre 1969. Barcelona, 1972.
97. Kalinowski Z. *Baptistery in the episcopal basilica at Novae* // *Novae. Studies and Materials*. Poznan, 1995.
98. Kessiakova E. *Une nouvelle basilique a Philippopolis* // *Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21-28 septembre 1986)*. Rome, 1989. Vol.III.
99. Khatchatrian A. *Les baptistères paléochrétiens*. Paris, 1962.
100. Lassus J. *Sanctuaires chrétiens de Syrie*. Paris, 1947.
101. Leglay M. *Note sur quelques baptistères d'Algérie* // *Actes du V-e Congrès international d'archéologie chrétienne (13-19 septembre 1954)*. Paris, 1957.
102. Megaw A.H.S. *Byzantine architecture and decoration in Cyprus: metropolitan or provincial?* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1974. №28.
103. Millet G. *L'école grecque dans l'architecture byzantine*. Paris, 1916.
104. Napoleone-Lemaire J., Balty J. *L'église a atrium de la grande colonnade* // *Fouilles d'Apamée de Syrie*. Bruxelles, 1969. Vol. I. 1.
105. Negev A. *The architecture of Mampsis* // *Qedem. Monographs of the Institute of the Archaeology*. Jerusalem, 1988. 27.
106. Orlandos A.C. *Les monuments paléochrétiens découverts ou étudiés en Grèce de 1938 à 1954* // *Actes du V-e Congrès international d'archéologie chrétienne*. Paris, 1957.
107. Papageorghiou A. *The early christian architecture of Cyprus. Recent discoveries* // *XV-e Congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports*. Athènes, 1976.
108. Papageorghiou A. *Foreign Influences on the Early Christian Architecture of Cyprus* // *Actes of the international archaeological symposium "Cyprus between the orient and the occident"*. Nicosia, 8-14 september 1985. Nicosia, 1986.
109. Piguet-Panayotova D. *Les tétraconques balkaniques avec collatéral et leur environnement architectural des V-VI siècles* // *Südost-Forschungen*. München, 1986. Band XLV.
110. Piguet-Panayotova D. *Les tétraconques avec collatéraux dans les Balkans des V-VI siècles* // *Jahrbuch für antike und christentum*. Münster Westfalen, 1990. 33.

111. Ramsay W., Bell G. The thousand and one churches. London, 1909.
112. Rott H. Kleinasiatische denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien. Leipzig, 1908.
113. Russell J. Christianity at Anemurium (Cilicia) // Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21-28 septembre 1986). Rome, 1989. Vol.II.
114. Sodini J.-P. Les groupes épiscopaux de Turquie (à l'exception de la Cilicie) // Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21-28 septembre 1986). Rome, 1989. Vol.I.
115. Strzygowski J. Kleinasien ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903.
116. Testini P. Strutture murarie e fasi costruttive del santuario dei martiri nella catacomba di S. Alessandro a Roma // Akten des VII. internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Trier, 5-11 september 1965. Berlin, 1967.
117. Tchanéva-Detchevska N. Les édifices cultuels sur le territoire Bulgare pendant la période paléochrétienne a la lumiere des nouvelles données // Actes du XI-e Congrès international d'archéologie chrétienne (21-28 septembre 1986). Rome, 1989. Vol.3.
118. Theodorescu R. A propos du plan triconque dans l'architecture du Sud-Est Europeen au Haut Moyen Âge // Revue des études Sud-Est Européennes. Bucarest, 1976. T.XIV. 1.
119. Vincent L.H. Le plan triflé dans l'architecture byzantine // Revue Archéologique. 1920. T.XI.
120. Κίσσας Σ. 'Η ανασκαφή στην Κολχίδα Κιλκίς // Το Αρχαιολογικο εργο ετη Μακεδονια και Θράκη. Θεσσαλονίκη, 1988. T.2.
121. Μέντζος Α. 'Η κοιμητηριακή βασιλική του Δίου. Τα προσκίσματα // Το Αρχαιολογικο εργο ετη Μακεδονια και Θράκη. Θεσσαλονίκη, 1992. T.6.
122. Μπακιρτζής Χ. Ανασκαφή παλαιοχριστιανικής βασιλικής στα Κηπιά Παγγαίου // Το Αρχαιολογικο εργο ετη Μακεδονια και Θράκη. Θεσσαλονίκη, 1988. T.2.
123. Ορλάνδου Κ. 'Η ξυλόστεγος παλαιοχριστιανική βασιλική τής Μεσογειακῆς Λεκάνης. Αθήναι, 1952.
124. Συντάγμα τῶν παλαιοχριστιανικῶν δαπεδῶν τῆς Ελλάδος. T.I: Νησιωτικῆ Ελλάς. Θεσσαλονίκη, 1974.
125. Συντάγμα τῶν παλαιοχριστιανικῶν δαπεδῶν τῆς Ελλάδος. T.II: Πελοποννήσος. Στερεα Ελλάδα. Θεσσαλονίκη, 1987.

ZAVADSKAYA I. A.

ON THE ORIGIN OF CHRISTIAN ARCHITECTURE IN BYZANTINE CHERSONESOS

Summary

Comparing architectural forms of local churches and their Byzantine analogues the author demonstrates the leading role of the capital city school in forming early medieval monuments of church architecture in Chersonesos. The Hellenistic type of all Chersonesos basilicas, as well as the decorations of their interior, building technology, liturgical arrangement confirm it. Architectural orientation to Constantinople is in the agreement with the fact of direct dependency of Chersonesos diocese on Constantinople patriarch, which was secured by Khalkidon Council in 451. Besides capital city features Chersonesos architecture absorbed the elements of other regional schools (Syrian, Asian Minor, Trans-Caucasian).

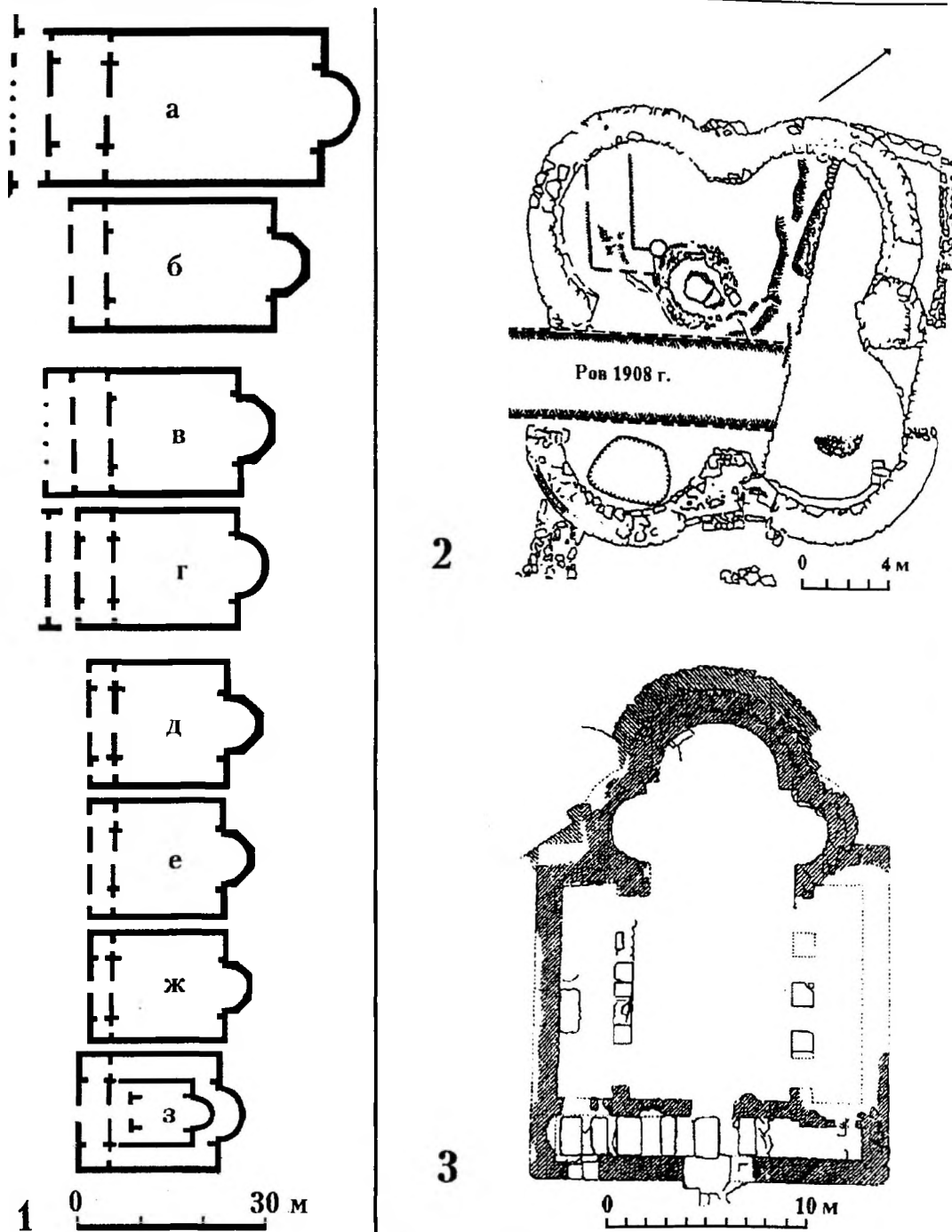

Табл. I. Храмы Херсонеса.

1 - сводный схематический план базилик (по Ю.Г.Лосицкий [41, с. 88]): а) Уваровская, б) Западная, в) Восточная, г) 1935 г., д) № 28, е) Северная, ж) 1932 г., з) № 15; 2 - план четырехапсидного храма [34, рис. 1]; 3 - план базилики Крузе [70, рис. 91].

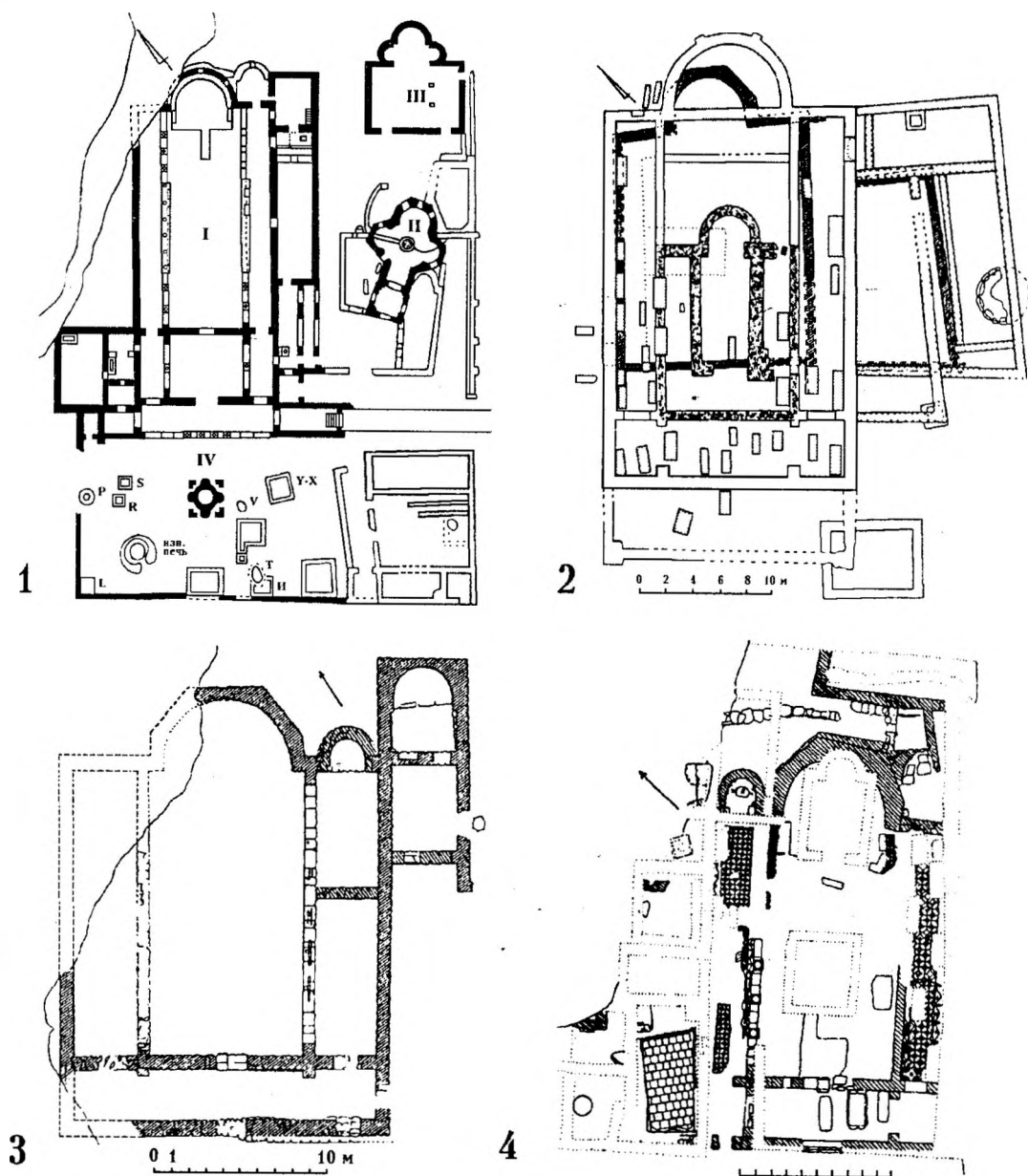

Табл. II. Планы комплексов базилик Херсонеса.
1 - Уваровская [15, 24, рис. 1]; 2 - 1935 г. [22, рис. 1; 23, рис. 2];
3 - Северная [70, рис. 75]; 4 - 1932 г. [6, табл. II].

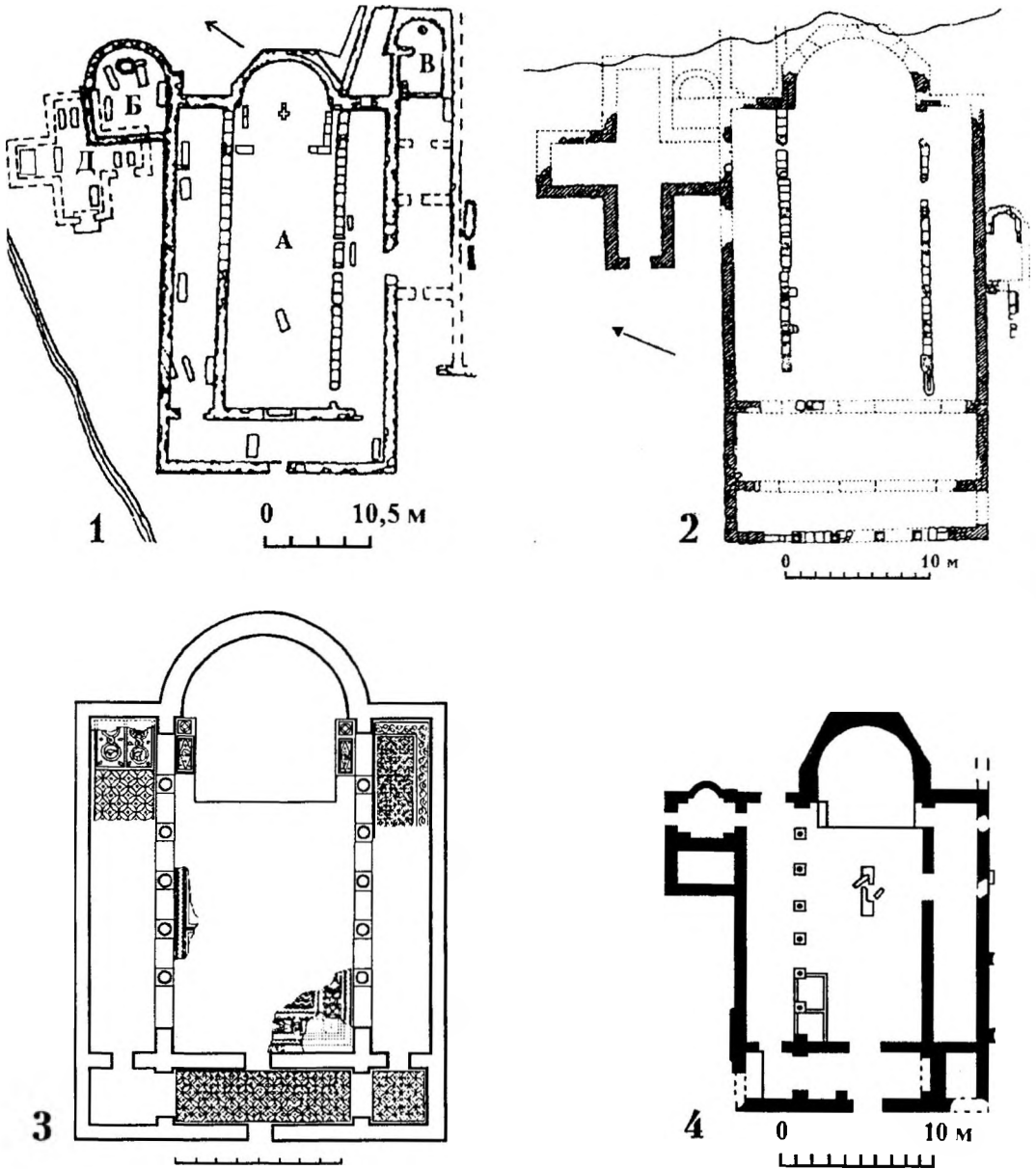

Табл. III. Планы базилик Херсонеса. 1 - Западная [56; 25, рис. 3]; 2 - Восточная [70, рис. 72]; 3 - Базилика в базилике [10, табл. I, рис. 2]; 4 - № 28 [70, рис. 79].

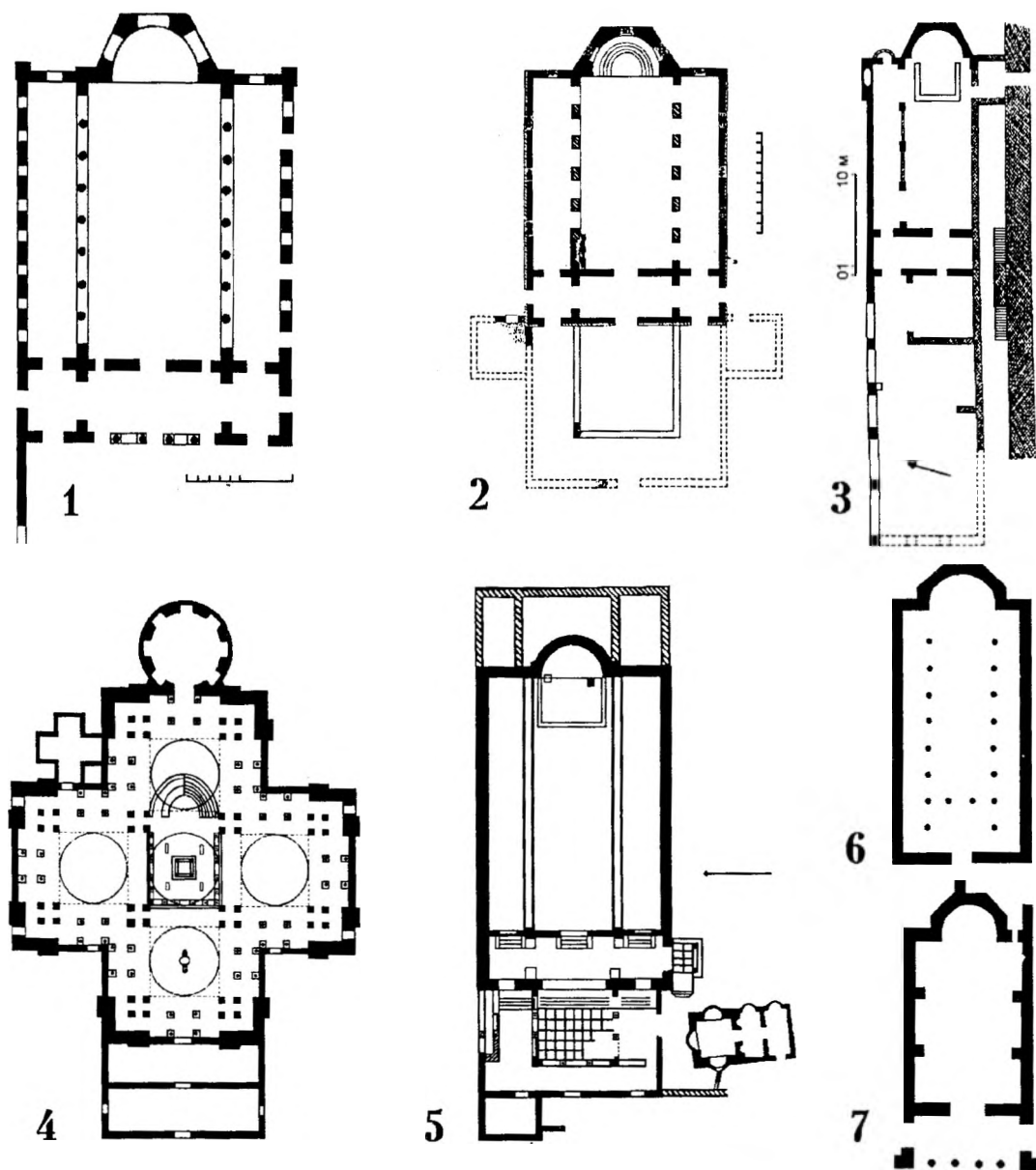

Табл. IV. Храмы на территории Константинополя, Болгарии, Румынии.

1 - базилика Студийского монастыря, 463 г. [74, рис. 1]; 2 - "Старая митрополия" в Несебре, вторая половина V в. [83, fig. 1]; 3 - базилика у крепостной стены в Хисарах, V в. [59, обр. 18]; 4 - храм Апостолов в Константинополе, VI в. [14, рис. 28]; 5 - "Мраморная базилика" в Тропеум Трени, IV-VI вв. [79, fig. 60,2]; 6, 7 - храмы в Троэзмисе, VI в. [79, fig. 53,3-4].

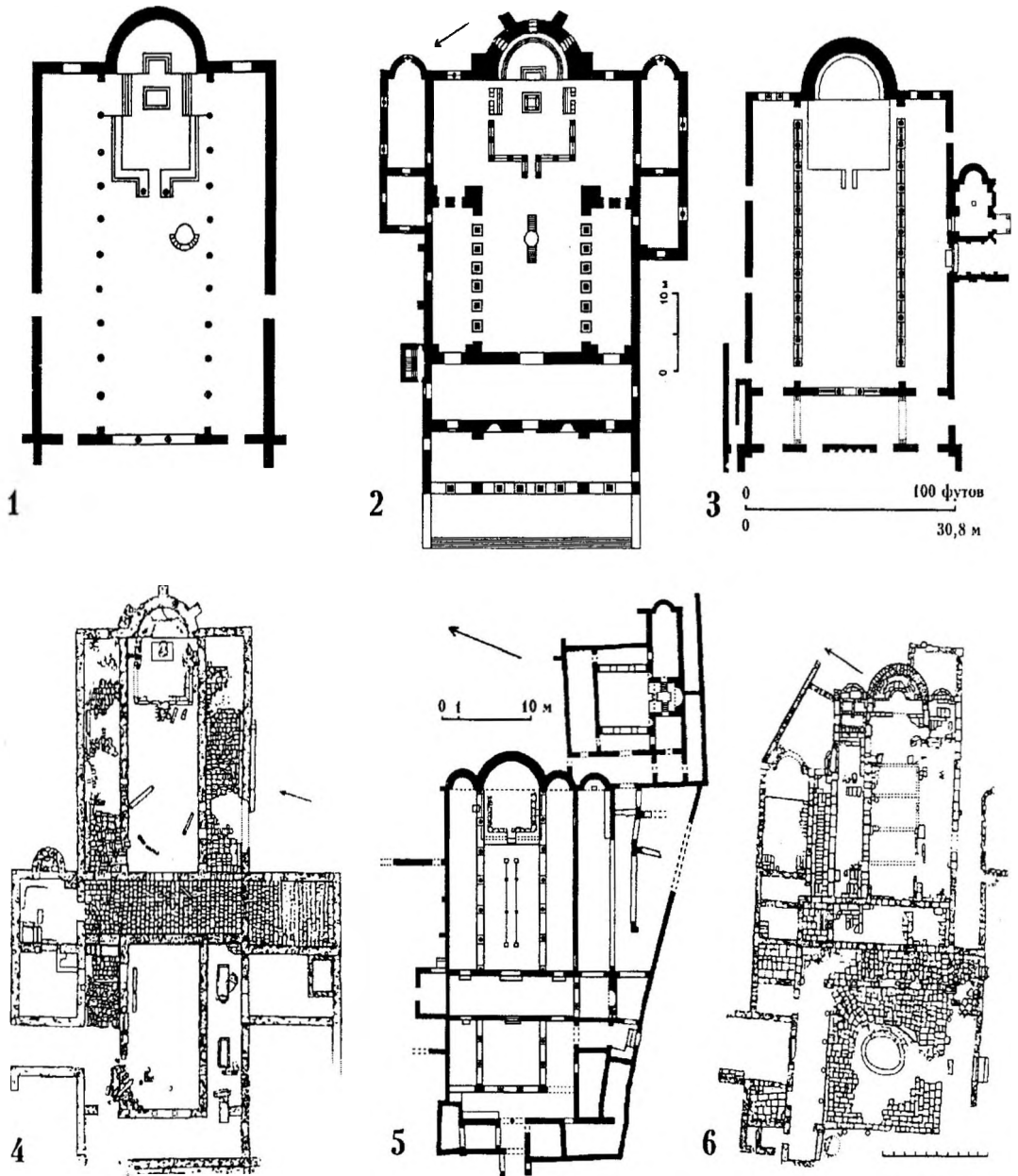

Табл. V. Базилики Греции и Кипра. 1 - во Фтиотийских Фивах, V-VI вв. [74, рис. 16а]; 2 - базилика В в Филиппах, середина VI в. [32, fig. 13]; 3 - базилика Ахиропойтос в Салониках, около 470 г. [50, с. 28]; 4 - в Дионе, середина V в. [121, fig. 1]; 5 - Аяя Триас (Кипр) [102, fig. D]; 6 - базилика "extra muros" в Курионе (Кипр) [107, fig. 1]

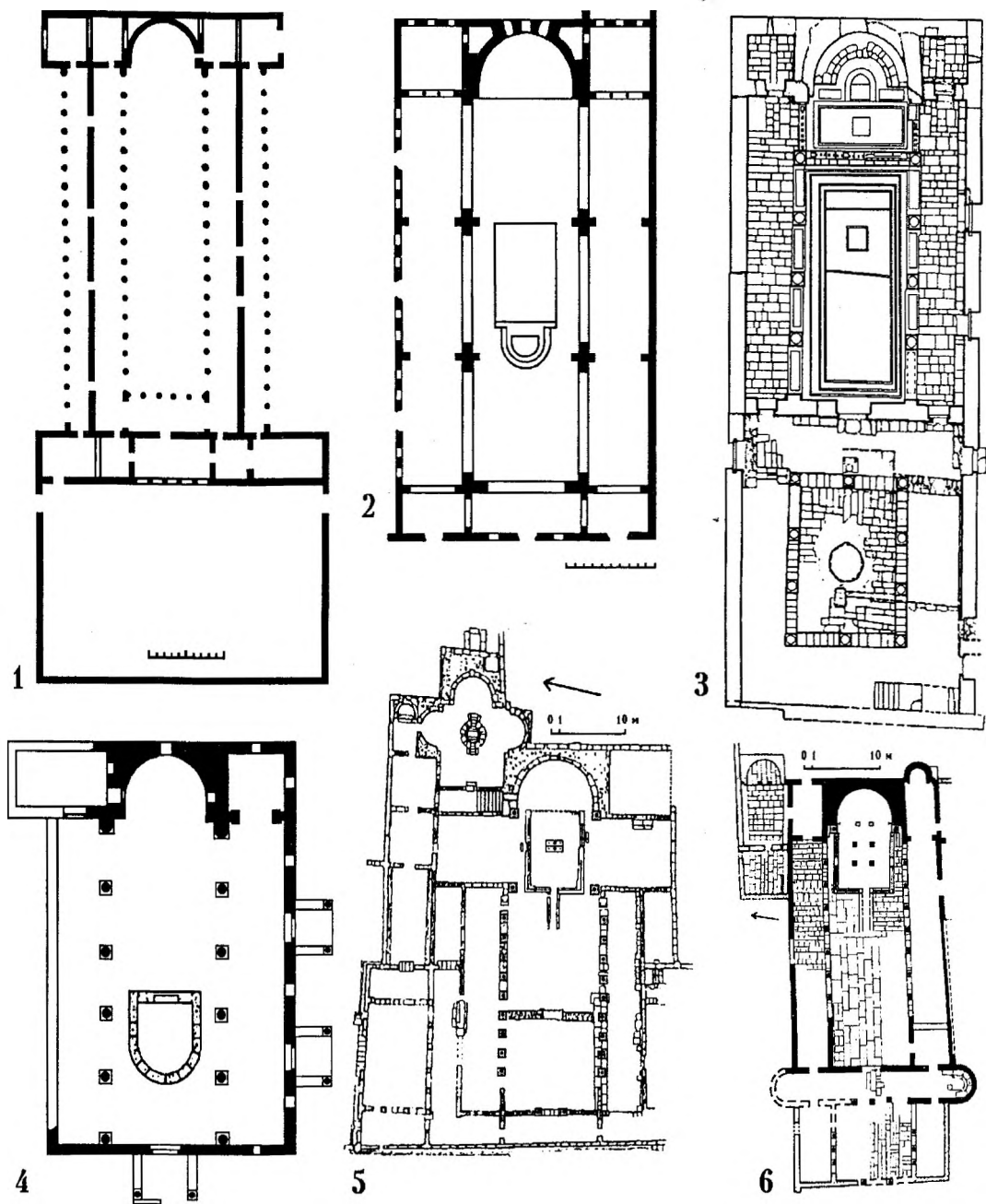

Табл. VI. Базилики Ближнего Востока и Северной Африки.

- 1 - в иль-Барах, V в. [74, рис. 46в]; 2 - в Русафе, VI - начало VII в. [74, рис. 51а];
 3 - Западная базилика в Мемписе [105, plan 12]; 4 - восточная церковь в Колоте, V в. [100, fig. 85]; 5 - центральная базилика в Аполлонии (Киренаика), V-VI вв. [90, fig. 3];
 6 - восточная базилика в Аполлонии (Киренаика), V-VI вв. [90, fig. 2].

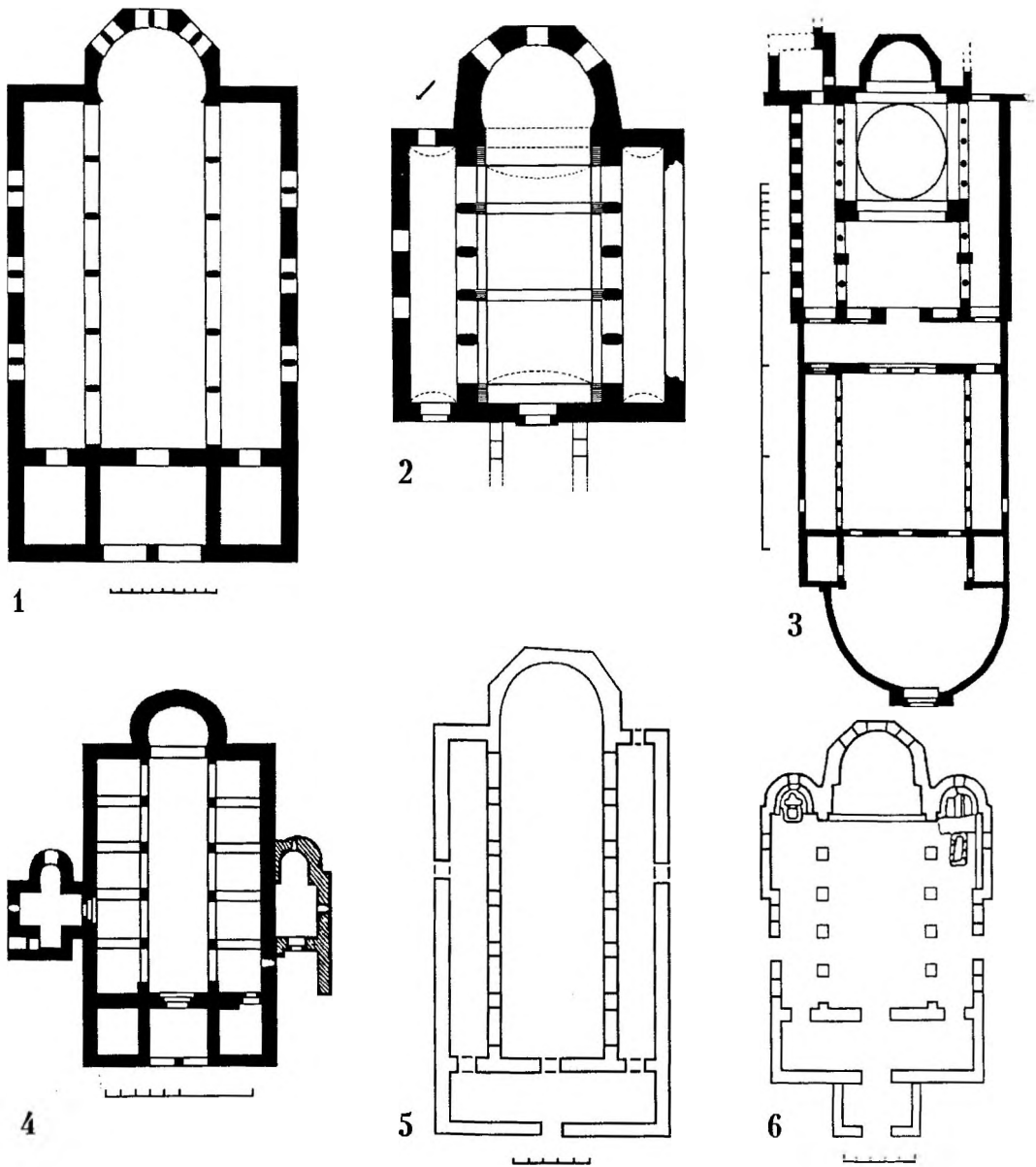

Табл. VII. Базилики Малой Азии и Абхазии.

1 - Бинбиркилисе, № 3, V-VI вв. [115, abb. 9]; 2 - базилика св.Константина Эски-Андабалис [112, abb. 30]; 3 - в Мериамлике, V в. [74, рис. 346]; 4 - Бинбиркилисе, № 21, V-VI вв. [74, рис. 29в]; 5 - базилика № 3 в Питуинте, конец IV - середина V в. [62, табл. 1,2]; 6 - Цандрипшская базилика, вторая четверть VI в. [62, табл. 1,2].

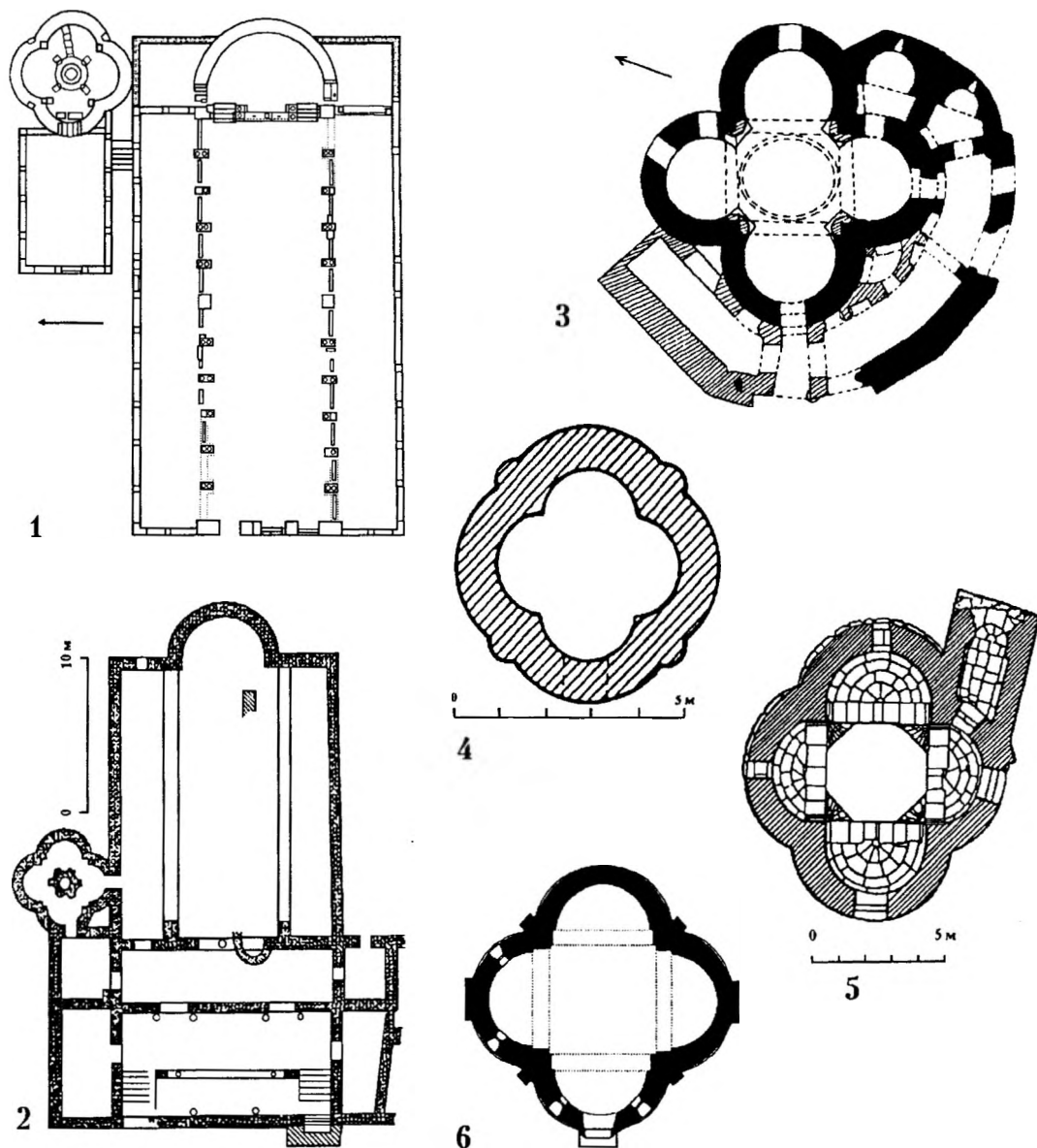

Табл. VIII. Храмы-тетраконхи.

- 1 - Большая базилика в Тигзирте (Северная Африка), конец V - начало VI в. [80, pl. 50];
 2 - в Стоби (Македония), V-VI вв. [95, fig. 78]; 3 - Дзвели-Гавази (Кахети), середина VI в. [2, рис. 19];
 4 - Ноджихеви (Восточное Причерноморье), V или VI в. [62, табл. III,6];
 5 - Айраванка на Севане (Армения), конец IX в. [60, рис. 39,1];
 6 - баптистерий в Бьелла (Италия), IX-X вв. [86, fig. 132].

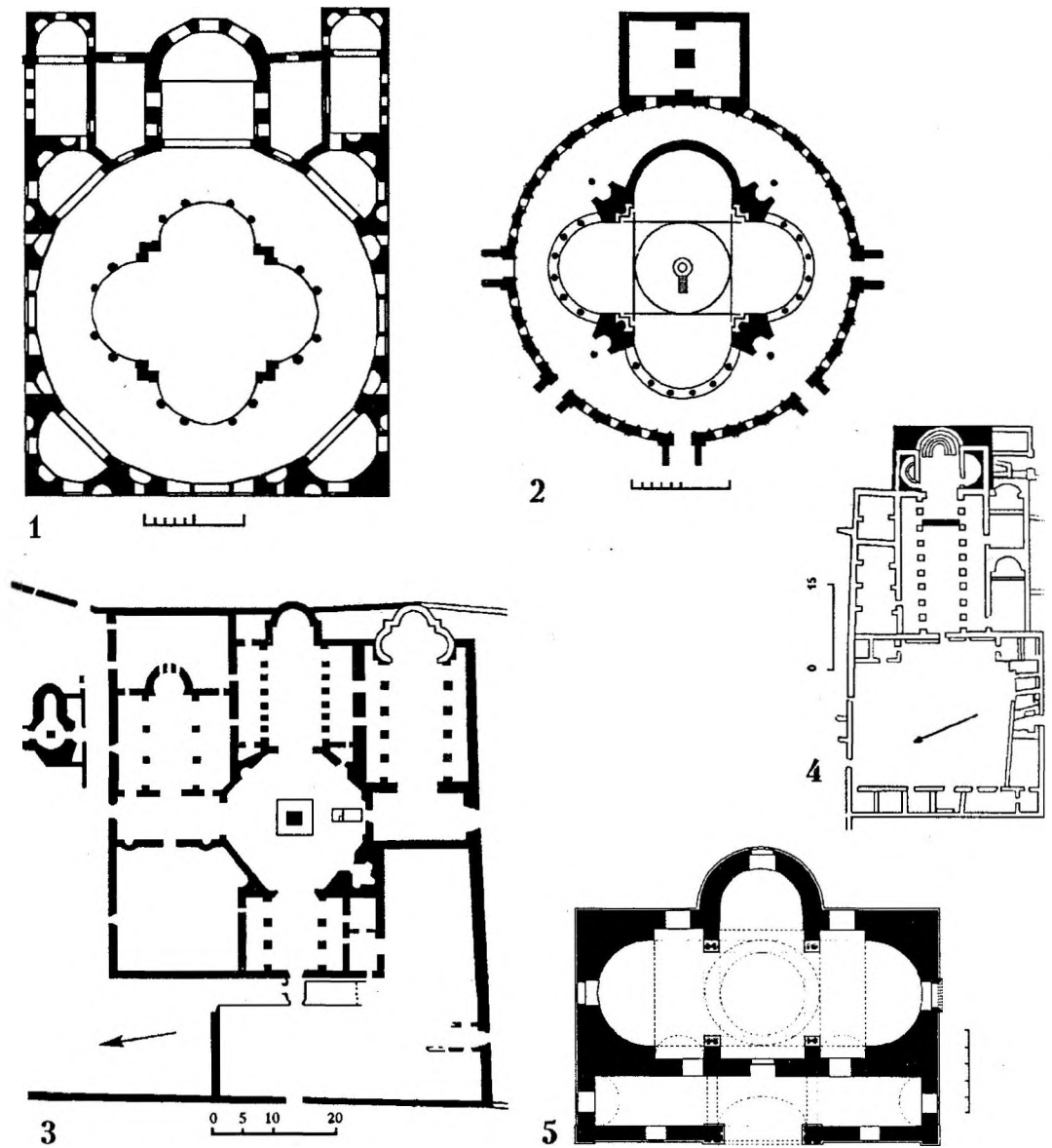

Табл. IX. Храмы-тетраконхи и храмы с триконхиальной апсидой.

1 - Кафедрал в Босре (Сирия), 512-513 г. [74, рис. 57а]; 2 - Звартноц, около Вагаршапата (Армения), 641-661 г. [74, рис. 77]; 3 - церковь св.Симеона в Антиохии (Сирия), VI в. [92, fig. 55]; 4 - в Рас-Саиа (Палестина), IV-VI в. [92, fig. 45]; 5 - храм св.Иоанна Крестителя в Иерусалиме, середина V в. [119, fig. 1].

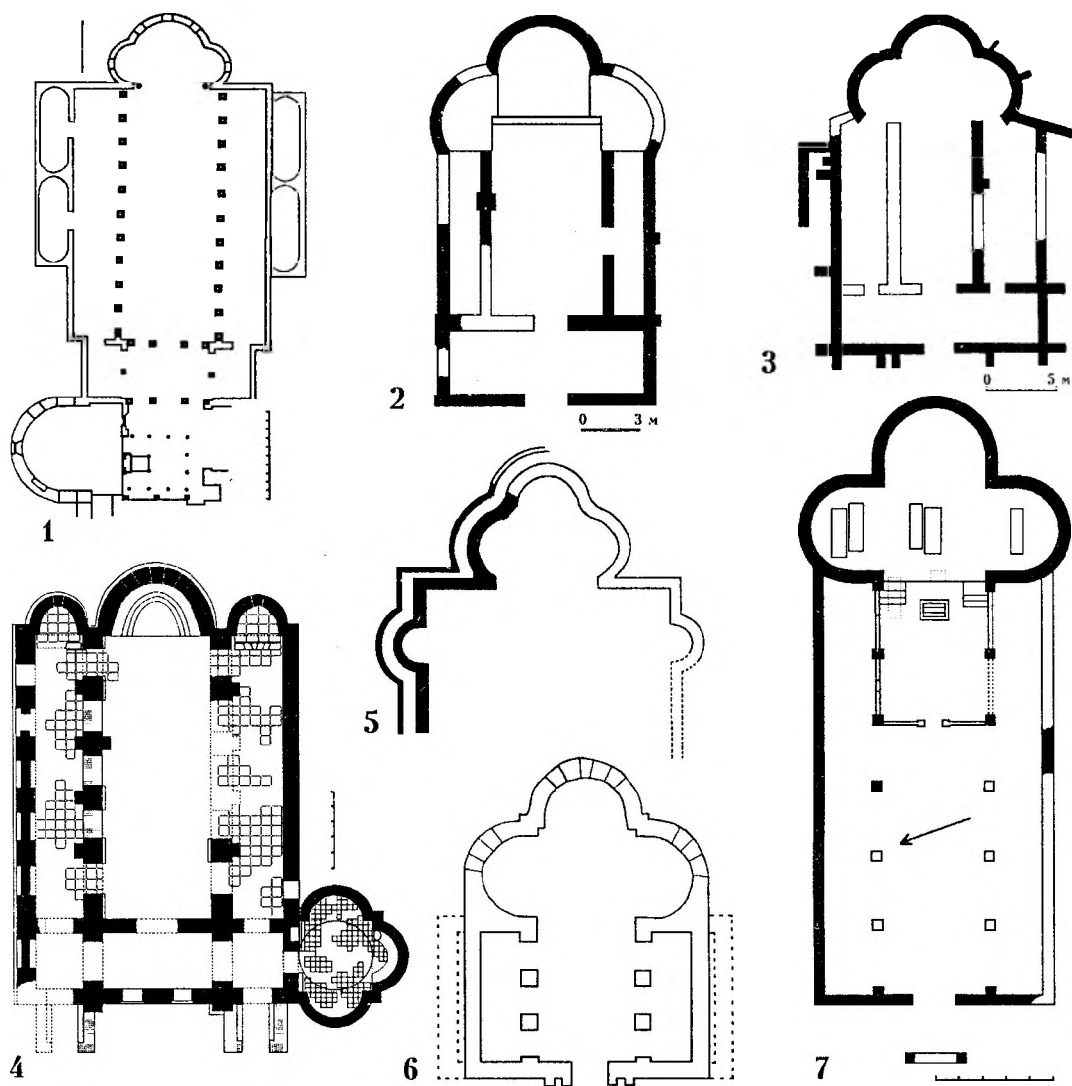

Табл. X. Храмы с триконхальной апсидой.

- 1 - Симитиль (Италия), V в. [77, pl. XLII,4]; 2 - Залозье II, V-VI вв. [81, sl. 131];
 3 - Сим, вторая половина V - первая половина VI в. [81, sl. 61];
 4 - Белово, VI в. [94, fig. 2]; 5 - Пави (Италия), конец VI - VII в. [77, pl. XLII,1];
 6 - храм св.Лоренцо (Италия) [96, fig. 3а];
 7 - Хербер бу Хадеф (Северная Африка) [80, pl. 77,7].